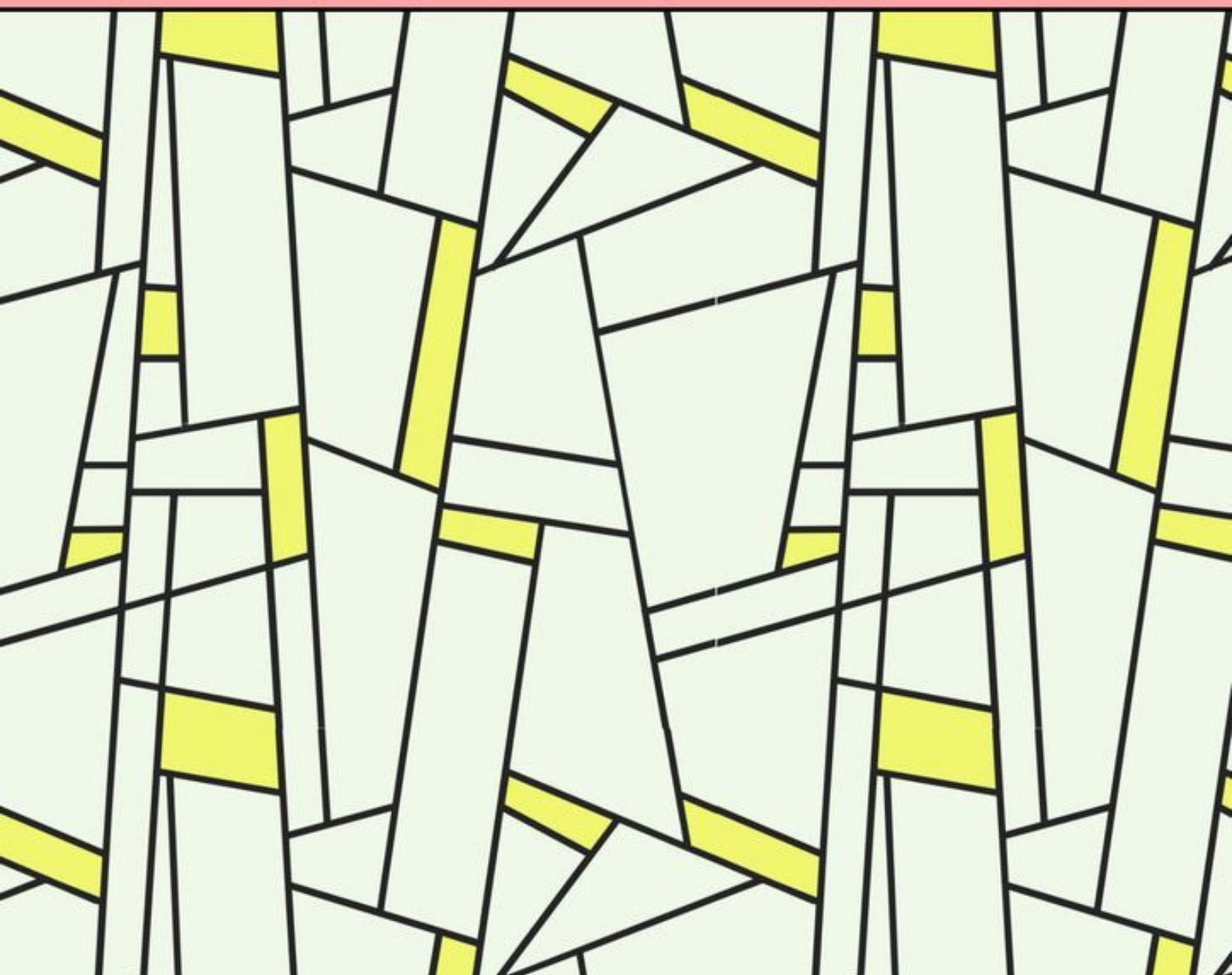

18+ Гуга Лолишвили

Охотники за новостями

Гуга Лолишвили

Охотники за новостями

«Издательские решения»

Лолишвили Г.

Охотники за новостями / Г. Лолишвили — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-982977-1

22 декабря проспект Руставели перекрыла бронетехника. Заправочный пункт устроили у Оперного театра, что подчёркивало драматизм ситуации и напоминало о том, что Грузия — поющая страна. Бронемашины выглядели бутафорией к какой-нибудь современной постановке Верди. Казалось? люк переднего танка вот-вот откинется, оттуда вылезет Дон Карлос и запоёт. Танки пыхтели, разбивали асфальт, медленно продвигаясь, брали в кольцо Дом правительства. Над кафе «Воды Лагидзе» билось полотнище с красным крестом. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-982977-1

© Лолишвили Г.
© Издательские решения

Содержание

ОТ АВТОРА	6
ЧАСТЬ 1	8
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	16
ГЛАВА 4	20
ГЛАВА 5	25
ГЛАВА 6	30
ГЛАВА 7	32
ГЛАВА 8	35
ГЛАВА 9	37
ГЛАВА 10	39
ГЛАВА 11	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

ОХОТНИКИ ЗА НОВОСТЯМИ

Гуга Лолишвили

© Гуга Лолишвили, 2026

ISBN 978-5-4498-2977-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОХОТНИКИ ЗА НОВОСТЯМИ

ОТ АВТОРА

По своему жанру повесть «Охотники за новостями» – публицистика с художественным оттенком, или, если хотите, привкусом. Мне очень хотелось, чтобы этого привкуса было побольше и я старался как мог, чтобы его усилить.

Временной охват «Охотников» – период с 1989 по 1993 гг. Действие происходит в Грузии, окончательное крушение СССР, эпоха Звиада Гамсахурдии, его свержение, начало конфликтов в Южной Осетии и Абхазии.

Время было не просто горячим, оно было необузданным, раскалённым. Это был песок пустыни в самое жаркое время дня! Горн хорошо потрудившейся доменной печи! В те дни я работал корреспондентом российских СМИ и мне доводилось порой подступать к пламени ближе, чем того хотелось.

У книги довольно сложная судьба. Терзаемый, между прочим, смутными сомнениями я начал её писать в 1995 году, в Израиле, в самом дебюте своей иммиграции, вскоре после событий в ней изложенных. Так, что писал, как говорится «по горячим следам», или, как говорил наш тбилисский сосед Амиран: «идём на Греты след». Когда он сказал это в первый раз, я решил, что речь идёт о следах некой Греты, которую влюблённый Амиран разыскивает. Но всё оказалось прозаичнее – «на Греты след» означало «нагретый след». То есть не очень хорошо говоривший по русски Амиран имел в виду «идти по горячим следам».

Но вернёмся от Амирана к предисловию. Тогда я работал охранником в холонской больнице Вольфсон и писал «на Греты след» всякий раз когда выпадала свободная минутка во время дежурств – в будках на центральном или заднем КПП, в стекляшке службы информации, бывало даже в приёмном покое.

Я сильно «хандрил» в связи с отъездом из Грузии, которую всегда считал своей Родиной. Её же не выбирают. Она у каждого своя и в моём непростом случае это Грузия. Впрочем, даже, если бы я мог выбирать, где родиться, то я бы опять выбрал Грузию. Хотя и родился то я не в Грузии, а в Эстонии. Я же написал, что всё непросто. Родился в Эстонии, вырос в Грузии, живу в Канаде, при этом родиной считаю Грузию, хотя легко мог бы считать ею более благополучные Эстонию или Канаду. Но ведь лёгких путей мы не ищем, не так ли.

Хандра не унималась, я гнал её в дверь, она возвращалась через окно, я захлопывал перед её носом окно, она «ломилась» в дверь. Я тщетно пытался найти утешение в философском подходе. Насколько, дескать, микроскопичны мои проблемки в сравнении с солнечными вспышками, масштабом «Божественной комедии» или последствиями Версальского мирного договора. Но философия помогала скверно.

Я прочувствовал всеми своими скрижалями правоту превосходной максимы Франсуа де Ларошфуко: «Философия торжествует над горестями прошлого и будущего, но горести настоящего торжествуют над философией».

В голову постоянно лезли воспоминания, и как-то само собой вышло, что в один прекрасный день передо мной оказался лист бумаги и карандаш, которым я необдуманно написал первое предложение. За ним последовало второе предложение, за вторым третье, четвёртое,

потом ещё и ещё. Предложений оказалось так много, что получилась книжка, которую вы сейчас держите в руках.

Нас закружило... Канада. Мексика. Опять Канада. В Мексике я написал другую книгу – «Меня зовут Дикси», в Канаде – «Дрова из облаков».

Я вживался в новую жизнь, жизнь непривычную, жизнь эмигранта. Чего в ней только не было! Я учил языки, развозил пиццу, работал охранником, учился в школе бизнеса, валил лес на севере Квебека и в Новой Шотландии, продавал автозапчасти, уходил с работы, искал новую, находил, воспитывал детей, опять терял работу, покупал акции, выигрывал, пил дорогое «Бордо», опять вкладывался в акции и всё проигрывал...

Вот в те нелёгкие дни, порой наспех, порой вперемешку со всем остальным и была написана эта книга. О её достоинствах и недостатках судить читателям. Мне кажется, что эти события (а всё это действительно имело место и происходило именно так) не лишены интереса. Если вы дочитаете книжку до конца и найдёте для неё местечко на своей книжной полке, то я свою задачу... нет не выполнил, как я написал в предисловии к первому изданию в 2005 году, а, скорее решил. Ну, а если не решил, то вы мне это скажете при встрече.

Лаваль,
январь 2020

ЧАСТЬ 1

ГЛАВА 1

Я пересёк освещённый ярким солнечным светом вестибюль, и ступил на потемневшей от времени, уложенный неровной ёлочкой паркет коридора редакции газеты «Вечерний Тбилиси». Коридор тянулся так далеко вперёд, что напоминал столбовую дорогу и казалось, что вот-вот навстречу покажется дребезжащая на ухабах телега какого-нибудь возвращавшегося с ярмарки подвыпившего крестьянина.

Вместо этого материализовался ответсек, который торопливым шагом вышел из глубин коридора и остановился перед одной из дверей. Словно ожидавшая того дверь приоткрылась, и оттуда вышел газетный фотограф. Ответсек и фотограф сдержанно кивнули друг другу и пошли каждый своим курсом – первый в отдел, второй в коридорную даль. Дверь закрылась, всё стихло и коридор опять стал похож на столбовую дорогу.

В отделе информации, где обычно царил редакционная молодёжь, сейчас царил тишина. Редакционная молодёжь строчила, проявляя такой энтузиазм, что крохотные шарики на кончиках ручек, благодаря которым эти ручки получили название – *шариковые*, вращались в наполненных чернильной пастой трубочках с космической скоростью, усеивая бумагу буквами так быстро, что каждое предложение несло за собой шлейф из огня и дыма. Буквы молодцевато маршировали по бумаге, рассчитывались на «первый – второй», выстраивались в предложения, строчки и абзацы...

На сквознячке, под самым потолком дрожали нежные паутинки вдохновения, между которыми сновали крохотные Пегасики. В несгораемом шкафу, на припорошенных пылью газетных подшивках недовольно ворочалась полусонная муза, одна из трёх или девяти —ведь древние так не сошлись во мнении по этому вопросу.

Я прошёл к окну, и аккуратно устроился на подоконнике, опасаясь потревожить паутинки вдохновения и распугать Пегасиков. Впрочем, они шевелились всё медленнее и очень скоро застыли – Пегасики превратились в трещинки на потолке и пятнышки на пожелтевших обоях, а паутинки вдохновения стали пыльной паутиной по углам потолка. Утомлённая муза перестала ворчать и заснула на перине из пыльных городских летописей за минувшие годы. Я думаю, спалось ей не так приятно, как у себя дома, на Геликоне. Неинтересные проишествия, пресные фельетоны, рубрика «сердитый горожанин», интервью с передовиками производства, спортивная хроника и ворчливая колонка главного редактора – как всё это скучно, как нелепо. Как мизерно предлагать этот хлам музе! Оттого она заснула и потревоженные её горячим дыханием пылинки взметались невидимыми облачками над щёлками несгораемого шкафа.

Ручки прекратили свой танец с саблями на терпеливой бумаге, одна за другой размашисто ударили напоследок каблуком расставляя последние точки и остановились. Шарики перестали вращаться и медленно увязли в густых чернилах. На меня уставились четыре пары глаз, в которых сверкали восклицательные знаки, запятые и точки тире.

«Обожди минутку, я только в номер сдам», – произнес Михаил Вигнанский и растворился в воздухе.

В ожидании я прошелся по комнате, разглядывая знакомые рисунки, покрывавшие стены молодежного отдела, как наскальная живопись украшает стены пещеры Альтамира и это говорило о том, что со времён верхнего палеолита человеческий характер изменился не так сильно, как можно было бы предположить.

В основном, вся эта сомнительного качества графика, вышла из-под неумелого карандаша Вигнанского. Но, поскольку, рисует Мишель куда хуже первобытных художников, и бле-

стящие идеи, превосходили его скромные изобразительные возможности, то рисунки дополнялись разъяснительными надписями о том, что именно стремился изобразить художник. А стремился он изобразить коллектив отдела информации (за исключением самого себя) в самых разнообразных издевательских ракурсах.

Коллектив в долгу не остался. Он добыл плакат могучей культуристки, заменил её голову, вырезанной из чёрно – белой любительской фотокарточки, рано начавшей лысеть головой Вигнанского, и поместил этот образчик коллажного искусства в центр стены.

Со стула поднялся старейший сотрудник отдела Володя Саришвили бородатый, длинно-волосый двадцатисемилетний человек с печальными глазами поэта.

«Не найдётся ли у тебя лишней сигареты, дорогой Гуга?» – с мрачноватой безнадёжностью осведомился он.

Если про иного говорят: *Он вырос на маминых пирожках*, то Володя, вырос на Байроне, Гамсуне и Данте. Возможно именно поэтому он всегда безукоризненно вежлив, дружелюбен и величав. Но в его голосе клубилась неуловимая грусть, свойственная людям пережившим бедное детство.

Я выудил из кармана, синюю с белой ракеткой, пачку сигарет «Космос».

Володя долго рылся в кармане, отыскивая спички, поднес коробок к уху и встряхнул его, определяя на слух, как там внутри обстоят дела. Спичечный коробок в его руках превратился в музыкальную погремушку, и это уже не Володя, а индеец таино потряхивал своим маракасом напевая и притоптывая босыми пятками по неровно уложенному паркету.

Удовлетворённый ритмом, Володя тщательно выбрал осиновую палочку своими музыкальными пальцами и чиркнул ей о тёрку коробка. К потолку заструился белый горьковатый дымок.

Наше внимание привлекла этикетка. На красном фоне под призывом: «*Прячьте от детей*» художник изобразил тянущегося к спичкам карапуза. «*Прячьте*» напечатали чёрным цветом, а «*от детей*» белым.

«Поздно прятать, он до них уже добрался», – констатировал Володя и с таким строгим видом перевернул коробок оборотной стороной, словно планировал застать там родителей карапуза и отчитать их за разгильдяйство. Но на обороте всё без изменений, лишь надпись выполнена на грузинском.

– Может сыграем партию в шахматы?

– В другой раз. Нам с Вигнанским кое-куда сходить надо.

Володя пожал плечами, – Ну зачем в таком деле полагаться на случай? Ведь другого раза может никогда не наступить. В стране, где дети безнаказанно играют со спичками, неизвестно, что произойдёт завтра! Ты только послушай: играешь белыми...

– Да хоть фиолетовыми, Вова! Не получится! – я отлично знал всё то, что из шахматат непременно бы вытекло. А вытекли бы из них одна-две бутылки вина, «чтоб снять напряжение после партии», затем непременно вытекла бы пивная, «чтобы охладиться». За этими забавами незаметно подошёл бы час обеда, «а как есть хинкали без пива?!», «а пиво без водки – деньги на ветер!»... Я имел все основания полагать, что Володя умело выстроит этот логический ряд.

– На днях отправляю своих на дачу, – сделал он, между тем, смачную попытку заговорить мне зубы, – так что можно будет спокойно собираться у меня какое-то время. Мы тут о чём то беседовали... – ах, да – в общем, отдаю обоим коней и слона впридачу. Если бы мы продолжили торг, Володя, несомненно, отдал все фигуры и остался с «пешим королём» (королём и пешками) лишь бы сыграть партию.

Но я покачал головой.

– Не спеши, дорогой Гуга. Не спеши. Не спеши. Ты как полагаешь – завтра наши «Спартак» обыграют или нет? У Гуцаева опять травма, а у «Спартака» Черенков на подъёме. Футбол дело такое... Значит, ладью хочешь, ладно забирай, где наша не пропадала, – Володя довольно

потёр живот и, словно вызванный этим движением джин, перед нами возник Вигнанский, – «Нашли время болтать, нас люди ждут!»

Я обошёл Володю, который чувствуя, что его карта почти бита, сделал страшные глаза и выложил последний козырь, который он придерживал напоследок, как Наполеон приберегал свою старую гвардию для самого критического момента в сражении: – «Я сегодня аванс получил, с меня причитается!»

Но его гвардейцы напрасно покидают казарму, сражение окончено, мы в коридоре...

Город купался в осеннем солнечном золоте. С облетевших платанов доносилось многоголосное пение птиц, которые распелись так пронзительно, словно осушили немало стаканов кахетинского.

Женщины-езидки в очень ярких и блестящих юбках до пят и колхозных косынках шуршали большими мётлами сметая с асфальта осеннюю листву. Легкомысленный тбилисский ветерок путался у них под ногами, ворошил листья платанов, сдувал их обратно к обочине. Метла из сухих веток гналась за ними, сгоняла обратно в кучу, шершавила, тёрлась об асфальт.

Женщина помогала себе сминать листья в кучу ногами, давила на ворох подошвой, затем прижав черенок локтем к боку, стряхивала рукавицу, извлекала из кармана спичечный коробок и подносила горящую спичку. Попавшие в западню, зажатые между метлой и ботинком листья крошились, грустно шуршали и нехотя загорались. К небу поднимался белый горьковатый дымок, уносящий с собой остатки лета и в птичьем пении появлялась щемящая душу печальная нотка.

Черенок приходил в движение, метла оживала и с шуршанием, словно нашёптывая: «не уйдёшьшь, не уйдёшьшь» гналась за другими листьями, которые трепал ветерок. Листья вращались, замирали словно дразня метлу, и опять разлетались в стороны, в тот самый момент, когда казалось, что она их настигла. Целые, ещё не измочаленные об асфальт, не попавшие под подмётки и каблук демисезонных ботинок, с узорчатыми краями, ярко-красные, зеленые и жёлтые, иссохшие, напоминающие кальку натянутую на разветления жилок.

Какой-то карапуз радостно смеялся и топал, наступая, на скользкие по тротуару листья, ему нравилось, как они хрустят и этого было достаточно для счастья. Стройная женщина в светлом плаще дёрнула его за руку призывая к порядку, они остановились у газетного киоска и мы услышали, как женщина по русски сказала продавцу: – «Дайте пожалуйста „Зарю Востока“, А „Мурзилка“ у вас есть? Перестали получать? Как жаль...»

Мы прошли и её голос затерялся, смешался с обрывками других разговоров несущихся со всех сторон, растворился в шопоте метлы, сигнале автомобиля, милицейском свистке, ворчании английского бульдога, которого вёл на поводке пожилой мужчина в сером плаще и фетровой шляпе с узкими полями приподнятыми сзади.

Светофор открыл свой жёлтый глаз, заскрипели покрывки оставающихся автомобилей, один из них напротив увеличил скорость, торопясь проскочить, но опоздал, и с оглушительным стуком ударил в переднее крыло выехавший на перекрёсток перпендикулярно его движению «Москвич», для которого загорелся зелёный.

Народ на мгновение замер и в наступившей тишине неожиданно громко прозвучал хриплый прокуренный голос высушенного, как вобла временем и часто растворяемыми в вине невзгодами, чистильщика обуви, который ради проишествия перестал полировать щётками пару чёрных ботинок модного тогда фасона «Инспектор», и приподнялся с ящика, на котором сидел: «Ва то э синч катарвец то!».

В следующее мгновение дверь одного автомобиля открылась и виновник аварии выскочил наружу. Он был перепуган тем, что натворил, запаниковал, заметался... и неожиданно для всех бросился удирать, пересекая улицу по диагонали, но пробежав несколько метров опомнился, нарочито захромал, чтобы вызвать к себе сочувствие, описал плавную дугу и вернулся

на место происшествия, сделав вид, что предпринял этот манёвр, исключительно для того, чтобы размять пострадавшую ногу.

Водитель «Москвича» тем временем оправился от испуга, показался народу и тоже оправдал ожидания. Он бегло глянул на вмятину, театрально обеими руками схватился за голову и закричал с таким неподдельным надрывом, что любой драматический артист позеленел бы от зависти: «Вай ме! Вай ме!».

В голосе его звучали нотки совершенно шекспировской печали смешанной с надеждой содрать с этого подлеца за ремонт как можно больше и сожалением того, он не может обставить дело, как следует. Будь он помоложе, непременно ринулся в драку, какие сопровождают подобные происшествия. Обязательно с воплем: «Что ты наделал, гамоштеребуло! Я заставлю рыдать твою маму!», толкнул бы двумя руками обидчика, а когда подоспевший разнимать народ, потащил бы его назад, он потный и раскарасневшийся от гнева вырывался бы и кричал, как этого требовала обстановка: «Отпустите! Отпустите! Я его убью! Я его... Я его заставлю съесть тормоз, которым он не научился пользоваться!».

Виновник грустно смотрел на свою машину и время от времени нагибался и тёр колено, чтобы показать, что и он страдает.

Мы миновали каменных львов, изрыгающих из своих базальтовых глоток струи воды у станции метро Руставели, пересекли местечко, которое тбилисцы называют – *Земмеля*, при этом уже мало кто помнит, что в конце 19 века здесь у Верийского спуска находилась аптека Евгения Земмеля, и вышли на центральную, улицу Тбилиси – проспект Руставели.

Здесь всегда многолюдно, но в горячие дни, о которых ведётся речь на этих страницах, на Руставели кипели особенные, непохожие на обычную суету большого города, страсти. Тут и там наблюдались скопления людей. По мере продвижения к Дому Правительства эти группы расли, снановились шире, многолюднее и горластее. В конце концов они становились шумной орущей толпой подобно тому, как мелкие кляксы на школьной промокашке расплываются в ширину и сливаются в конце концов, в одну большую кляксищу.

Город ещё жил своей обычной жизнью, но в воздух проникла чужая, незнакомая поколениям выросшим при социализме, атмосфера. Эта то, что во Франции во времена Бурбонов называли «la fronde», а в России Рюриковичей и Романовых именовали смутой или народным недовольством.

После памятного съезда компартии восемьдесят пятого года, на котором Михаил Горбачёв открыл ловко подsunутую ему Рональдом Рейганом табакерку демократии, и выпустил из неё трёх бесов – гласность, плюрализм, перестройку, прошли четыре года.

В течение нескольких, на первый взгляд, пролетевших спокойно лет, бесы незаметно делали своё дело – расшатывали коммунистическую идеологию – основу, на которой держался Советский Союз.

В столице СССР – Москве открылся первый американский ресторан быстрого обслуживания «МакДоналдс». Из ссылки вернулся академик Сахаров. На улицах городов появились частные такси с картонными табличками, на которых красовались намалёванные вкривь и вкось, от руки, шахматные квадратики. От государственных они отличались разномастностью и подчёркнутым отсутствием любых намёков на таксометры. Ситуация с частными такси в Тбилиси была даже демократичнее, чем в Древнем Риме, где, по непроверенным данным, на колесницу частного извоза устанавливали ёмкость, в которую после каждого пройденного стадия для учёта дистанции падал камешек. Всё смешалось и пошло другим путём. От первых забастовок на предприятиях перешли к требованиям союзных республик о выходе из состава СССР. В Вильнюсе, Баку, Тбилиси произошли жёсткие подавления народных протестов войсками. События 9 апреля 1989 года встряхнули Грузию, они окончательно разогнали застой-

ную сонливость, в которой десятилетиями находился народ, и положили начало необратимым политическим процессам.

Впрочем, в тот солнечный сентябрьский денёк, когда мы с Мишей мерили шагами густую тень развесистых платанов на проспекте Руставели, всё ещё выглядело мирно и спокойно. На полках парфюмерного магазина, что между «Грузинформом» и «Совпрофом»*,

(*Примечание: *Грузинформ* – Грузинское информационное агентство, Совпроф: Совет профсоюзов)

выстроились стройные шеренги душистых флаконов с названиями: «Наташа», «Светлана», «Ольга»... Эти милые имена пьянили жгучее и пряное, как корица воображение южных людей. На этикетках духов и кремов ещё отпечатаны небольшими буквами три слова: «*Изготовлено в СССР*», и ничего не предвещало скорых перемен, в корне изменивших жизни миллионов людей.

Спустя несколько минут мы подошли к зданию ГУГА – Грузинское управление гражданской авиации. Мы поднялись на второй этаж и свернули в узенький боковой коридор.

«Здесь!» – лаконично сказал Вигнанский и без церемоний толкнул дверь плечом.

ГЛАВА 2

За дверь обнаружилась крохотная комнатуха, смотрящая своим единственным глазом на старый тбилисский дворик с давно забытыми кисть маляра, но зато резными до умопомрачения, деревянными верандами.

Такие дворики в Тбилиси называют «итальянские». Когда заходит о таком речь, роняют: «Они живут в итальянском дворике». Данную пропозицию не следует понимать буквально. Они проживают в квартире, а не во дворе. Но квартира выходит на общую с соседями деревянную веранду, нависшую над закрытым двориком, откуда в большой мир ведут решётчатые ворота или арка в стене, с которой время слизало штукатурку, обнажив неровные ряды буро-красного кирпича.

Веранды в итальянских двориках так густо увиты виноградной лозой и бельевыми верёвками, что трудно определить, где в этих арабесках природы и быта заканчивается виноград и начинаются простыни.

Я осмотрелся. На стене висела политическая карта мира с разноцветными странами. Они так весело раскрашены, что напоминали леденцы монпасье и невольно возникало желание протянуть к карте руку, взять страну-леденец и положить в рот. На стульях двое молодых людей вели оживлённую дискуссию. Причём общались они шёпотом, чтобы не мешать третьему – щуплому пареньку с подвижным выразительным лицом, который разговаривал по телефону, висевшему на стене под леденцовой картой..

«Это Зураб Кодалашвили», – толкнул меня локтем в бок Вигнанский...

Зураб одной рукой прижимал к уху телефонную трубку с такой силой, что было интересно – выдержит ли его череп такую нагрузку, а второй зажимал свободное ухо, чтобы лучше слышать собеседника.

При нашем появлении двое напротив Зураба продолжили шушукаться, не обратив на нас никакого внимания. Зураб, напротив, несмотря на кажущуюся отрешённость от происходящего в комнате, не переставая разговаривать по телефону, кивнул нам, указал глазами на свободные стулья и даже на мгновение отнял руку от уха, вытянул её в нашу сторону и развернул ладонью вверх, жест, который у всех народов мира, несомненно означает: «Привет, уважаемые, страшно рад вас видеть, но ох уж эти дела, которые приходится решать, когда приходят такие гости!»...

Так легли карты Судьбы, выпали кости Случая, *выстроились диспозиции кораблей* на рейде Удачи, сформировались конфигурации небесных тел в космосе и сложились обстоятельства, ситуации, условия – при которых я попал в агентство новостей «Иберия», первое послеперестроечное независимое информационное агентство в Грузии.

Агентство было основано двумя Зурабами из города Рустави – Зурабом Кодалашвили и Зурабом Хрикадзе. При этом, в отличии, от Ромула и Рэма, основавших Рим, Зурабы, основав «Иберию» не поссорились, а напротив остались добрыми друзьями. Зура Хрикадзе через некоторое время немного отошёл от дел, и бремя управления легло, в основном, на плечи Зуры Кодалашвили. Именно так обстояли дела в момент моего появления на пороге одноглазой комнаты.

Клиентов тогда было немного, но всё же они имелись – грузинская служба новостей радиостанции «Свобода», той самой, которую в СССР именовали *вражеский голос* и глушили всякими хитрыми глушилками, но никак не могли заглушить, газета Экспресс-Хроника специализирующаяся на *антисоветской агитации и пропаганде*, агентство «Гласность» специализирующееся на том же самом, да ещё организация с внушительным именем «Нью-Йоркский центр по защите демократии в СССР». Время от времени звонили другие СМИ, в том числе, крупные западные агентства новостей и радиостанции, корпункты которых находились в Москве.

Речь на этих страницах идёт о начальном этапе развала социалистической системы. Тогда многое из того, что в наши дни стало реальностью, было трудно или невозможно представить. Если бы в те дни нам кто-нибудь сказал, что *Горбачёв выступит по ТВ и официально объявит, что Советский Союз прекращает существование, что, Прибалтийские республики вступят в НАТО, что лет через двадцать между Россией и Грузией, Россией и Украиной произойдут вооружённые конфликты*, то мы сочли бы это сюжетом фантастического романа.

Несмотря на то, что события 9 апреля*

*Примечание – 9 апреля 1989 года – разгон антисоветского митинга в центре Тбилиси внутренними войсками СССР

уже имели место, а на проспекте Руставели каждый день различные партии устраивали митинги – Грузия всё ещё называлась – ГССР (Грузинская Советская Социалистическая Республика), и в ней имелись: партийная пресса, горкомы, политбюро... На предприятиях проводились комсомольские собрания, в школах принимали в пионеры, в чемпионате СССР по футболу тбилисское «Динамо» играло с ЦСКА, а киевское «Динамо» с московским «Спартаком»... Но многие вещи уже начинали неумолимо меняться.

В авангарде перемен выступили кооперативы. Самые разнообразные – от услуг по прокату посуды для торжеств, до видео салонов. Первые кооперативы обитали кое-как и абы-где, они ютились в наспех расчищенных подвалах, в квартирах на первых этажах многоэтажных домов, в частных дворах. Они тусклы, невыразительны, лишены выдумки и ярких красок. Прокат посуды для торжеств... Что может быть скучнее этого?!

И всё же, несмотря на отсутствие белых манжет под *по советски* потёртыми пиджачными рукавами, понятие кооператив было озарено романтическим ореолом. Как же! Кооператив – это частный бизнес, удивительный и непривычный эмбрион капитализма, первый элемент западной жизни! Той западной жизни, которая большинству жителей Грузии начала 90-х была известна разве что по фильмам с Жан-Полем Бельмондо, Ален Делоном и Пьером Ришаром. Персонажи этого кинематорграфа не трудились на заводах и фабриках, они не вскакивали в 5 часов утра, торопясь поспеть на утреннюю смену, не возились с пластиковым контейнером, заполняя его вчерашними макаронами на обед.

Вместо этой скучной возни, киногерои меняли, как перчатки автомобили и прелестных дам, оказывались в милых ситуациях и переживали интересные приключения. Это щекотало воображение и малоискушённый народ принимал этот аттракцион за чистую монету, верил, что именно так, *par default* на Западе и обстоят дела. Главное – вырваться из СССР, а как сложится потом, никто толком не представлял, но все были уверены, что главное вырваться, а там всё пойдёт как по маслу, жизнь сама собой наладится, образуется и устроится. Фантазия не скупясь заполняла белые пятна будущего самыми яркими красками.

Под напором этих чувств социализм затрепал по всем швам. Все ожидали парада чудес. Народ испытывал ощущения зрителя занявшего место в цирке на вечернем представлении.

Здание цирка в Тбилиси было построено в сталинскую эпоху. Цирк поместили на вершину холма над Курой. От билетных касс, расположенных внизу, наверх вели каменные ступени. Помню, что в детстве, сказка начиналась именно внизу, у касс.

Теснился народ, торговцы лоточники предлагали интересные штуки – шарики попрыгунчики на длинных резиновых нитях, сладкую вату, разворачивали и сворачивали пышные узоры из жатой разноцветной бумаги заключённой между неприметными картонными багетами.

Детвора поедала облака ваты, восторженно глазела на узоры и предвкушала главное. Первоэлемент счастья находился наверху, там куда вели каменные ступени. Там разворачивались главные чудеса, вся прелесть которых содержалась в том, что они ещё только предстояли.

Я воспринимал поход в цирк, как полёт в космос и, поднимаясь на эту пирамиду по круто уходящим вверх ступеням, воображал себя космонавтом на пути к ракете. При этом меня совершенно не смущало то, что если приглядеться чудеса находились в решетке, через дырки которого различался обман, «понарошность» происходившего.

Лица лоточников были угрюмо-усталыми, в ядрах попрыгунчиков под цветной бумагой обнаруживались газетные страницы, на площади дежурно сигналили автомобили, сладкая вата прилипала к щекам и срочно требовалось умыться, а в цирковых туалетах буднично пахло хлоркой, мылом и сыростью. Я не замечал этого. Я не хотел этого замечать.

Что-то подобное испытывали люди в Грузии в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века. Все замерли в предвкушении полёта в космос. Кооперативы, первые биржи, многопартийность, гамбургеры, литовский «Саюдис», передача «Взгляд»...

И вот, в те дни, бурные волны перемен, вместе с другими обломками кораблекрушения, вынесли на поверхность моря суеты, в которое превратился СССР, первые независимые полуправительственные агентства новостей. Первым в Грузии, стала «Иберия», названная так потому, что один из её основателей – Зура Хрикадзе в совершенстве владел испанским и этот счастливый билетик усиленный испанским названием, сулил успех в переговорах с испанскими СМИ.

Моим же билетом в мир журналистики стал коротенький информационный материал для «Гласности» о забастовке метростроевцев на площади «Вокзальная». Я, как мне показалось, очень ловко взял интервью, набросал два абзаца, передал их на «Гласность» и решил, что состоялся, как репортёр. |

ГЛАВА 3

Вселенная не имеет строгого определения в науке. Это сочетание умозрительного и материального – чёрные дыры и черная энергия, планеты и звезды, время и пространство. Бесконечность беговой дорожкой уходит в бескрайний космос, туда, где пространство становится временем, а время пространством, где краснощёкое, как деревенская девка Начало издевательски подмигнув земной физике, зажигает звёзды и сливается с гасящим их своими слюнявыми пальцами Концом, а Хаос прижав изрезанное шрамами лицо к нежной щёчке Гармонии возбуждённо кружит её в танце, нашёптывает комплименты, называет «своей девочкой», чтобы опьянить, одурманить и соблазнить тут же за пазухой бесконечности, где сливаются начало и конец, время и пространство. Космос безмятежен, он живёт моментом – сейчас. Космос курит бамбук, ему нет дела до прошлого и будущего, ему пополам религия, астрономия и теорема Пифагора. Кто сказал, что это не так?

Мы жили, как все. Трёхкомнатная квартира на восьмом этаже кооперативного дома в Сабуртало*

*Примечание – Сабуртало – район в Тбилиси

на пересечении улиц Асатиани и Закариадзе. Лифт в доме часто портился, я научился не считать это безобразием и гремя на весь дом педалями, весело тащил свой велосипед с восьмого этажа на первый, а затем с первого обратно на восьмой.

Три комнаты с лоджией, советский паркет ёлочкой с чёрными полосками смолы между дощечками, балкон с панорамным видом на гору Мтацминда.

Над городом, как над капотом автомобиля «Жигули» торчала антенна – огромная трехногая телевышка. Панорамный вид не считался роскошью. В стиснутом горными хребтами городе он был явлением обыденным. Панорамный вид и балконы с которых он открывался, ёлочные паркеты и застеклённые лоджии, разгильдяйски обшарпанные фасады домов являлись многоярусной сценой, на которой кипели свои страсти. Не космические, но человеческие. И здесь хаос тискал гармонию не хуже, чем в космосе, начало неизменно сливалось с концом, зажигались и угасали звёзды, а город курил бамбук и, гордясь своим отделанным мрамором метрополитеном, считал себя космосом, хотя никаким космосом он не был, а просто возмнил о себе невесть что.

Помню конец июля 1980 года. Летние каникулы, мне 13 лет, я скучаю перед домом. Появляется Васька Ющенко – мой приятель. На нём какая-то неканикулярная чёрная рубашка, а его веснушчатое лицо непрывычно серьёзно. Мы здороваемся. Я гляжу на его рубашку и по тбилиски вопросительно покачиваю ладонью.

«У меня траур, – небрежно отвечает Васька и помолчав добавляет, – Высоцкий умер. Что не в курсе?».

Васька старше меня на пару лет, он тогда учился в ПТУ и знал жизнь гораздо лучше. Его старший брат Владик тоже водился с нами, хотя два — три года в этом возрасте – иное измерение.

Васька и Владик жили в коммунальной квартире в старой трёхэтажке, стоявшей перпендикулярно к нашему восьмиэтажному дому. В коммуналке они занимали две комнаты – в одной спала их мама, в другой они. Их балкон выходил на торец нашего дома и я спустившись во двор частенько орал «Васька! Владик!». Иногда на балконе показывался один, иногда другой, иногда они вместе. Перегнувшись через перила Васька смотрел на меня и безуспешно борясь с распирающей лицо улыбкой осведомлялся: «Чего тебе – хлеба? Хлеб по четвергам

и пятницам». Это доставляло ему такую радость что в финале предложения улыбка одерживала сокрушительную победу над тщетным усилием сдержать лицевые мышцы и Васька просто сиял от захвативших его чувств.

На двор выйдете? (мы говорили – не «во двор», а именно «на двор»), – спрашивал я с надеждой. Братья переминались с ноги на ногу, смотрели друг на друга и кивали. Через несколько минут мы втроём уже куда-то торопливо шли, о чём-то болтали, были страшно заняты – время становилось пространством, пространство временем, всё куда томчалось, несло, а город снисходительно усмехаясь, по арабски присев на корточки курил бамбук.

У братьев имелся настольный хоккей. Самый простой – не тот подороже с объёмными хоккеистами – такой настольный хоккей являлся мечтой всех советских мальчишек, а другая модель, подешевле, с плоскими, вырезанными из тонкого листового металла и так пёстро раскрашенными, что они мне напорминали дуболомов Урфина Джюса, фигурками.

Иногда мы устраивали «чемпионат мира». Турнир длился целый день – с десяти утра до 18 часов, времени возвращения хозяйки. Она работала на заводе, выбивалась из сил, чтобы прокормить сыновей и возвращалась на разряженных батарейках. Обнаружив дома сгрудившуюся у стола горластую стаю мальчишек, выражавших чувства по поводу каждого паса, удара, гола, промаха, могла организовать головойку. Чтобы избежать расправы следовало завершить турнир до её прихода, прибрать и разбежаться.

Недоигранные матчи переносились на следующий день и чемпионат занимал два дня от чего он только выигрывал. Дополнительный день придавал особенную взаправдашнюю атмосферу, фанерная панель с длинными прорезями для управления фигурками не имевшими анфасов, а одни только профили, превращалась в лёд, в нашем воображении лихо разрезаемый стальными лезвиями коньков. . . Мы бы с удовольствием орали, полностью отдавшись тому идущему из глубин живота глубокому счастью, волны которого захлёстывают только в детстве и ранней юности, когда для ощущения счастья не требуется никаких условий, причин и обстоятельств. Летние каникулы, друзья, впереди вся жизнь и эта диспозиция уже сама по себе такой душевный ништяк, бушприт, который проведёт сквозь любой ураган, какое бы звучное человеческое имя ему не давали – Ирма, Синди или Хосе. Так вот – мы бы орали, но не следовало забывать о том, что события разворачивались всё-таки не в ледовой арене, а в коммунальной квартире, где скрипучие дощатые полы густо выкрашены масляной краской, а нервы жильцов напротив обнажены и опасны, как тонкопроводящая жила с которой сняли изоляционную оболочку. Это не обуздывало нас на сто процентов, но хотя бы не позволяло перейти на галоп. Гармония строптиво упиралась ладонями в грудь налегавшему на неё Хаосу не позволяя слишком откровенно прижимать её к себе.

Кроме Васьки, Владика и автора этих строк в баталиях неизменно принимал участие ещё один тандем братьев – Павле и Гела.

Павле, которого мы звали Павликом, и Гела жили в одном доме со мной, но в соседнем подъезде. Павлик был на год младше меня, а Гела и того мельче. Мы учились в одной школе, жили в одном доме, играли в одном дворе и свели знакомство ещё в бытность четырёх-пятiletними карапузами.

Один угол комнаты Васьки и Владика был заставлен бело-синими банками сработанного: как мне тогда казалось на самом краю света, в далёком Корёновске, сгущённого молока. Оказалось, что Корёновск находился совсем не так далеко – в Краснодарском крае, но речь не о том, так вот – по утрам братья пили чай, заедая его ломтями хлеба со сгущёнкой. Они ели неторопливо и с удовольствием. Высокие каравайные буханки белого хлеба, купленные в гастрономе на улице Нуцубидзе, нарезались толстыми ломтями и, прямо из пробитой остриём консервного ножа банки, щедро поливались сгущённым молоком, которое сначала отменно лилось на подставляемый ломоть, затем закручивалось в спираль и плавно расплывалось по хлебу распроставляя вокруг себя дух ванили. Оно было невероятно вкусным, сладко липло к губам,

отдавало перламутром в весёлом утреннем свете и сводило с ума мух свободно залетающих в распахнутые настежь окна, которые в те времена не носили москитных сеток.

После этого нехитрого, но сытного завтрака, братья сметали со стола хлебные крошки и водружали на него настольный хоккей. Мы выбирали сборные, проводили жеребьёвку игр и начиналось веселье.

Каждый хотел быть сборной СССР, которая, как мы считали была сильнейшей в мире, но всё решала физическая сила. Этот лакомый кусок доставался Владику – он был самым старшим и мог дать по шее. Второй по желаемости командой являлась Канада. Её бесцеремонно забирал себе Васька. Приходила моя очередь и я выбирал Чехословакию. Павлику и Геле доставались Швеция и Финляндия. США никто не хотел, эта страна считалась вражеской и буржуйской – треногая телевышка над городом хорошо делала своё дело.

Понятное дело в нашем дворе проживали и другие мальчишки – толстый Амиран, начитанный Борис, не по возрасту серьёзный Резо, сын тётки Ламары – их квартира находилась прямо под нашей, на седьмом этаже. Тётка Ламара была терапевтом и всякий раз, когда я схватывал грипп, мама звала её: – «Ламарочка, у нашего температура, посмотрите его, я вас умоляю».

Мама говорила по русски, грузинским она владела очень слабо, а тётка Ламара, как раз очень плохо говорила по русски. Но они друг друга прекрасно понимали. Она улыбалась, брала стетоскоп и поднималась к нам. Стетоскоп был холодным и я вздрагивал от его прикосновения к спине. Тётка Ламара просила чайную ложечку и заставив меня пошире раскрыть рот и подальше высунуть язык, засовывала обратную сторону ложечки в основание языка от чего меня тошнило. При этом она всё время требовала ещё шире разинуть пасть и подальше высунуть язык, мне казалось, что щёки разорвутся, а язык вывалится от страшного напряжения и я начинал орать от страха, так, что у меня ещё сильнее подскакивала температура.

В зависимости от степени стресса, в который меня загоняли, иногда требовалось принять таблетку анальгина (я считал, что дешёво отделался), а иногда сделать укол.

В втором случае, в руках тётки Ламары появлялась блестящая прямоугольная коробочка из нержавеющей стали, из которой она извлекала шприц. Шприцы и иглы были тогда многоцветными и их требовалось кипятить в кастрюльке с водой. Тётка Ламара подбирала иглу, щелчком ногтя взбалтывала ампулу с лекарством и шприц хищно всасывал в себя его содержимое.

Обстановка в доме становилась экстремальной, я отказывался улечься на живот, что являлось необходимым условием процедуры и требовалась грубая сила. Меня запутавшегося в простынях, за которые я держался, переворачивали, потерявшие терпение, родители, а я орал так, что было слышно в проезжавших по улице Нуцубидзе троллейбусах. Это дело требовало от меня напряжения и тётка Ламара не могла добиться необходимой для укола расслабленности мягкого места. Меня удерживало в искомом положении папино колено так, что я не мог перевернуться на спину а тётка Ламара держа наготове шприц и похлопывала меня по ягодице, жалостливо приговаривая «датцхнарди, швило, ар геткинеба»*

*Примечание – «датцхнарди, швило, ар геткинеба» (грузинский) – успокойся, детка, это не больно.

Улучив момент, она, как оса, неуловимым коротким уколом вонзала иглу и молниеносно впрыскивала снадобье. Я успокаивался и немедленно переворачивался на живот, чтобы восстановить статус кво. При этом у меня была уже по настоящему высокая температура, гораздо выше той, с которой всё начиналось, но взрослые считали, что спасли мне жизнь и вполголоса, чтобы не мешать чудодейственному исцелению, вели разговоры.

Альтернативой уколу, когда взрослые считали, что я не смертельно болен и у меня есть некоторые шансы выкарабкаться, служили полтаблетки анальгина с амидопирином. Глотать

таблетки я тогда не умел и приходилось их измельчать до состояния порошка и разбавлять водой. Полученный эликсир был настолько отвратительным на вкус – горьким и противным, что я даже не могу описать всю его тошнотворность. Мне («деточке» и «умничке») предлагали его выпить на раз-два, но я молча, с закрытым ротом (чтобы не дать им никакого шанса) мотал головой, как цирковая лошадь. Тогда на те же раз-два, меня скручивали, зажимали нос, чтобы я раскрыл рот и вливали туда лекарство. Родители входили в раж и кричали страшные вещи: «Держи его крепче! Зажимай нос! Зажимай получше, он ещё может им дышать! Вливай! Так! Так! Не сломай ему зубы, ложка то железная! Хорошо! Всё отпускай, он весь синий!».

Если меня вырывало, то всё повторялось. Это только пришпоривало температуру, но взрослые упрямо считали, что вытащили меня с того света. Я слышал их удовлетворённые фразы: «Ох вовремя лекарство дали!» или «Сейчас температура начнёт падать, нельзя было тянуть!».

ГЛАВА 4

В октябре в Тбилиси наступает прохлада.

Пора дождей ещё не пришла. Дни стоят пасмурные и сухие. Созревает хурма – её налитые вяжущей мякотью светло-оранжевые плоды, блестят на скинувших листву деревьях и томят грудь ностальгией по вишне с черешней, по так быстро пробежавшему лету.

Небо становится пронзительно лазурным и чуть подёрнуто лёгкой дымкой. Кажется, что тбилисские птицы в эти дни торопятся пропеть все песни до прихода зимы, они заливаются на все голоса, ускоряют ритм и тогда в их пении явственно слышатся напевы грузинского криманчули, напоминающего тирольский йодль.

Всё вокруг – деревья, кусты, дома затемнены и кажутся, вырезанными из плотного картона, декорациями, установленными на фоне небесной лазури. Воздух приятно холодит после летнего зноя. В эти дни он чище чем обычно, дышится легко и приятно, и тянет подолгу гулять.

Вот бывший музей Ленина, здание которое в смутные дни начала 90-х сначала заняла Партия Национальной Независимости, затем здесь расположился Госсовет Грузии, а потом парламент шеваднадзевского созыва. Сразу за ним гостиница «Иверия», которой тогда ещё только предстояло стать убежищем, сначала для беженцев из Абхазии, а потом для семей потерявших свои дома в результате госпереворота 92-ого года, когда целый район, примыкавший к Дому Правительства, будет разрушен артиллерией оппозиции. Но довольно об этом, тогда ничего этого ещё не случилось.

Пойдём дальше мимо прямоугольного фонтана под гостиницей «Иверия», мимо конной статуи грузинского царя Давида Строителя (этот памятник спустя много лет перенесут на другой конец города в Ахали Дигоми), мимо «Ушей Андропова» – громадного, невнятной формы обелиска, на площади перед которым в советские времена проводили коммунистические демонстрации и парады и впоследствии снесённого – здесь можно перейти улицу, чтобы навестить каменных львов у станции метро Руставели и напиться воды чистой, как сосновая роща и холодной как северный полюс, затем нырнуть в крытый пассаж, где у букиниста можно было купить редкую книгу по смешной, сегодня, советской цене, и, наконец, в финале этого длинного предложения, выйти к круглому зданию государственной филармонии, перед которым раскинула мощные руки зелёная Муза Зевсовна, являющаяся для тбилисцев, тем же, чем для москвичей памятник А. С. Пушкину – излюбленным местом свиданий. Во времена событий, о которых написано в этой книге влюблённые так и сговаривались: «В 5 вечера я буду ждать тебя под музой!».

«Я буду ждать тебя под музой». Это звучало нежно и томительно, и являлось почти признанием.

Именно в такой октябрьский день мы с Зурабом Кодалашвили брели по проспекту Руставели, направляясь в кафе, рядом с известной на весь город, хинкальной у ресторана «Мухамбази».

Витрина парикмахерской, в которой я когда-то стригся наголо перед призывом в армию, была покрыта паутиной трещин, словно кто-то примерившись стукнул палкой в центр стекла и оттуда во все стороны потянулись нити расколов и казалось, что витрина вот-вот рассыпется, но поравнявшись с ней я понял, что это были не трещины, а отражение облетевших и обнажённых до самых тоненьких веточек, платанов. За стеклом, в обитом красным дерматином кресле томился мальчик, которого стригли под «полу-бокс».

Свободные парикмахеры курили снаружи сорококопеечные сигареты «Мтквари» (очень скверное курево, которое преподносило сюрпризы – иногда сигарета не раскуривалась и в расковырянном бумажном патроне оказывалась щепка наглухо загоревшая цилиндр) и вели местные разговоры о политике.

«Звиад – это голова, – говорил один другому, – Он нас вытащит вот увидишь, Котэ, он нас вытащит. Попомни мои слова. Интеллигентный человек, поэт, переводчик. Он нам не чета, не какой-нибудь... – (он хотел сказать: парикмахер, но из самоуважения сдержался и поведя глазами в сторону остановил их на подъехавшем такси) продолжил, – Не какой-нибудь там таксист, кацо, – но это ему показалось малоубедительным и он опять поискал глазами и приметив проезжавшего на мотоцикле с коляской гаишника, продолжил. – или там, милиционер. Нет, Котэ, он не какой-нибудь милиционер, он дело знает. Конечно я ничего плохого не хочу сказать о милиционерах, ни тем более о таксистах, благослави их Господь, особенно таксистов, но Звиад то не таксист. он человек другого масштаба, личность! Он нас вытащит».

Котэ молча курил и судя по его пассивности, не разделял оптимизма своего коллеги, которому, как назло было необходимо подтверждение верности своих слов,

– Что я не прав? Разве неверно говорю? – китпятился тот, – Звиад интеллигентный человек, поэт и сын поэта...

– Писателя, -негромко поправил Котэ, бросая окурочек в урну, до которой он не долетел.

– Что?

– Его папа был писатель, не поэт.

– Ну и какая разница? Это одно и тоже! Поэт и писатель они как две стрижки – «на нет» и «полу-бокс». Не так?».

Котэ угрюмо молчал. Вероятно его грызли сомнения, но он не хотел их высказывать потому, что ни в чём не был уверен. Он повернулся и пошёл к входу, на пороге остановился и бросил через плечо:

– Когда я был маленьким – хотел стать врачом, лечить людей.

– Ты это к чему?

– Ни к чему, так просто. Был бы мой папа доктором, я бы тоже стал доктором.

– А кем был твой отец?

– Официантом.

– А почему же ты не стал официантом?

Котэ пожал плечами.

– Ну парикмахер лучше, чем официант, – уверенно сказал первый не дождавшись ответа, – А твой сын уже станет доктором.

– У меня нет сына.

– Ну будет же...

Котэ вошёл в парикмахерскую. В витрине было видно, как он подошёл к пустому креслу и сел в него сам в ожидании следующего клиента.

«Хотя лучше бы ты стал доктором, – пробормотал ему вслед словоохотливый „звиадист“. – Ну какой из тебя парикмахер, кацо?! Ножницы и расчёску правильно держать не можешь. Шёл бы в доктора. Или в таксисты или в автоинспекторы».

Заведение, куда мы направлялись, привлекало нас близостью, относительной чистотой и цифрами в меню – аппетитный горячий шницель, залитый глазуньей, стоил какие-то совсем небольшие деньги. Последний пункт был для нас особенно актуален по причине довольно плачевного состояния бюджета нашей «Иберии».

Но в тот день настроение у нас не лучше бюджета, и от того, не считаясь с его дефицитом, мы спросили по порции «Энисели»*

(*Примечание – *Энисели* – сорт грузинского брэнди). Потом, как это обычно бывает, ещё... и ещё.....

Грустили мы за отсутствием перспектив. Вся штука в том, что «Иберия» находилась на тот момент в состоянии куколочки:

В один прекрасный летний денёк всякая, не слопанная воробьями, и уважающая себя за это гусеница, превращается в куколочку, в этакий неподвижный кокон, спрятанный где-нибудь

под лепестком дикой розы или листом кизила. Так и мы – программу-минимум (обзаведение клиентами-подписчиками и закрепление на информационном рынке) исполнили; то есть гусеницей быть вроде бы перестали и было самое время продолжать развиваться дальше, становиться бабочкой, чтобы расправив крылья с причудливыми узорами и завив цветочным нектаром усы, флиртовать со встречаемыми лимонницами да павлиноглазками; но, и в этом «но» заключалась наша профессиональная трагедия, мы не имели программы максимум.

Конечно, мы могли и дальше оставаться за лепестками. Но нас с Зурабом это не устраивало. Это так скучно и неинтересно – торчать за лепестками, особенно, когда тебе двадцать лет! Хотелось большего – узоров на крылья, нектара, павлиноглазок. Всё это находилось где-то совсем рядом. Казалось, Удача уже объявила посадку на свой пароход и сама в капитанской фуражке у трапа проверяет билеты, вот-вот раздастся команда «отдать концы», все торопятся на борт, чтобы под командой самого желанного из всех капитанов обойти рифы и найти заветные острова, а мы блуждаем где то рядом, но никак не можем выйти на дорогу, которая ведёт в эту гавань.

Наши подписчики использовали нас как сигнальную или проверочную инстанцию, то есть проверяли у нас достоверность какого-либо события имевшего место в Грузии, либо получали от нас сигнал, чтобы самим подготовить материал. Единственный человек, кто работал нами по-настоящему – Гулико Уратадзе из грузинской службы радиостанции «Свобода». Она ежедневно включала наши сообщения в выпуск, и каждый вечер гнусавый голос Зураба вещал в радиоэфире местные новости. Ещё была «Экспресс-Хроника», для которой я писал еженедельные обзоры. Все остальные – звонили из своих московских корпунктов лишь затем, чтобы уточнить, проверить, спросить... или попросить встретить и разместить их очередного корреспондента. Мы добросовестно встречали, размещали. поили вином, но такое положение вещей нас не устраивало, а мы не могли его изменить. Требовалась метамарфоза.

Ма пытались спасти положение, отчаянно пускаясь в авантюры, но все наши затеи наталкивались на волнорез из отсутствия опыта, везения, дефицита бюджета и «гениальные» проекты, радужно сверкнув напоследок в лучах осеннего солнышка, один за другим, лопались, как мыльные пузыри.

Чего стоила идея проведения в Тбилиси конкурса красоты! Мы нашли спонсоров – израильскую компанию по пошиву вечерних дамских туалетов, успешно начали переговоры об аренде концертного зала грузинской филармонии, объявили набор участниц... и всё «ухнуло», разбившись о подводные рифы в изобилии окружающие острова, на которых обитает Удача. Мы с Зурабом послали партнёров вместе со спонсорами подальше и зареклись заниматься шоу – бизнесом. Оттого то мы невесело потягивали «Энисели», который в советские времена гордо именовался коньяком.

В помещении полутемно. Вокруг звякали вилки, тарелки, витали обрывки чужих разговоров...

День набирал обороты и эти шумы становились всё тише и тише, а печаль всё меньше и меньше – «Энисели» ловко обматывал каждый оголённый рецептор нервных проводов изоляционной лентой лёгкого опьянения.

Я допивал «коньяк» первым и потянулся.

– Ну, пошли, что ли...

– А куда торопиться? – грустно поинтересовался размякший от переживаний и коньяка Зураб, – на «Свободу» мы уже передали...

– Ты, что забыл – к четырём часам Вигнанский придёт. Он какого-то особо перспективного студента привести сулил.

– Да? – вяло удивился Зураб, – А на кой нам студент? Самих себя прокормить бы.

– Вигнанский ручался, что одарённый много не ест.

– Ну тогда пошли, – сдался Зураб, и вздохнул так, что можно было прослезиться.

Обещанный вундеркинд оказался тощим юнцом с лицом простодушным и нахальным одновременно. Эта странная личность оседлала свободный стул, поджала ноги и принялась с неподдельным интересом озираться по сторонам.

– Знакомьтесь, – это Тенгиз Аблотия заявил Мишель, сияя так, словно привёл к нам самого Дату Туташиа, да ещё не одного, а с Георгием Саакадзе впридачу.

Юнец на мгновение оторвался от стула и состроил гримасу, которую напускают по команде фотографа: «Улыбочку, снимаю!»

– Это я вам про него говорил, – продолжил соловьём заливаясь Мишель, – Очень и очень смышлёный парнишка, приехал из Сухуми. Учится на втором курсе журфака, был у нас на практике в Вечёрке...

Такая болтливость насторожила и улучив момент я подмигнув Вигнанскому, вышел в коридор. Мишель последовал за мной.

– Для чего ты пытаешься устроить судьбу этого типа? Я то думал, в самом деле самородок. Откуда он взялся? Может это родственник твоего главреда?

– Да, понимаешь... – сделал Мишка, неуклюжую попытку надуть меня, – Он был у нас на практике в...

– В Вечёрке – смышлёный парнишка – приехал из Сухуми. Только я это уже слышал. Можешь повторить эту историю своей бабушке. Мы с тобой сидели за одной партией, и ты мне на уши крошишь такой чёрствый батон?!

– Но я серьёзно хочу ему помочь, – возразил Мишель настолько уверенно, что если бы не я не знал его со школьной скамьи, то мог и поверить. Но я то знал его именно с этой скамьи и так на него посмотрел, что он запнулся и добавил: – Во-первых.

– Вот-вот. Помочь это во-первых! А, что у нас – во-вторых? Я полагаю, всё объясняется, именно – во-вторых.

– Между прочим если ты думаешь, что я стараюсь только для себя, то ты ошибаешься! Для тебя, между прочим, тоже.

– Так-так...

– Он, понимаешь, один живёт.

Я не понимал.

– Ну один! Совсем один. Понимаешь?

Но я не понимал.

– Комнату снимает, понимаешь? На проспекте Мира он комнату снимает. – Вигнанский терпелив, как психиатр разговаривающий с пациентом.

– И поэтому мы должны взять его в «Иберию»? Только почему же его одного? На проспекте Мира много народу живёт. Прямо так их всех к себе заберём или пусть сначала подстригутся?

– Ну да, конечно – протянул Вигнанский и в его голосе зазвучало лёгкое раздражение, – Только... ах, не делай вид, что ты ничего не смекаешь. Конечно, я корыстолюбивый подлец, а некоторые очень даже порядочные. Но это они такие до поры до времени, исключительно пока тепло. А как насчёт зимы? Зимой, когда скамейки городских скверов и парков станут холодными и мокрыми от тающего снега, когда вместо травы под ногами зачавкает слякоть, а Млечный путь скроется под зимними тучами и...

Тут, наконец, меня осенило.

– Заткнись, я всё понял.

– Ну! – устало ворчит Мишка, – Он понял! Стараешься для них! Выбиваешься из сил! Уф! – он на мгновение остановил взмыленную клячу своего красноречия, но тут же опять пришпорил её, – Квартирка на проспекте Мира! Своя! Ну, то есть, технически, его, Тенгиза, но какая разница! Наконец то будет, куда в дождь и снег девушку пригласить! А то зимой

кино да кино. И девушки в шерстяных колготках. Ненавижу шерстяные колготки! – тут он спохватился и натянул повод клячи направив её с шаткой на твёрдую тропу, – Хотя это всё как ты понимаешь на втором плане. А главное это самое... человеку помочь – вот! Он же здесь один! Молодо-зелено и всё такое. А вдруг в дурную компанию попадёт? А так будет под моим... то есть, под нашим присмотром. Так? Или не так?

Если бы я отрицательно мотнул головой, то вышло, что я исключительно за то, чтобы Тенгиз попал в дурную компанию и сбился с праведного пути. Потому я кивнул. Только потому! А то, что Мишель всё равно «корыстолюбивый подлец», так об этом я ему скажу! Прямо как есть! Весной. Когда в парках растает снег.

Так в «Иберии» появился Тенгиз Аблотия.

ГЛАВА 5

Ночью шёл сильный дождь и проснувшийся город отражался в лужах, похожих на лежащие под ногами зеркала. Их обилие и глубина говорили не столько о количестве выпавших осадков, сколько о плачевном состоянии тротуаров и дорог.

Город отражался в лужах фрагментами – в одной проплыл завитый бубликом собачий хвост, в другой прошагали серые с тонким красным кантом милицейские брюки, в третьем дрожала задняя часть остановившегося троллейбуса со открывающейся гармошкой дверью.

«Мандарины, свежие мандарины!» – с мегрельским акцентом предлагал свой товар прохожим парень лет двадцати пяти. Перед ним прямо на асфальте расположился большой чемодан, из тех какие берут с собой в отпуск к морю многодетные семьи. Нетрудно было сделать вывод, что чемодан заполнен мандаринами «прибывшими» ночным поездом из Западной Грузии. В предновогодние дни Тбилиси заполнялся продавцами мандаринов, торопящихся заработать в предпраздничном ажиотаже.

«Тебе мандарины не нужны, брат?», – спросил он меня, когда я проходил мимо.

– Зачем мне твои мандарины?! – огрызнулся я, открывая торг.

– Подожди, подожди! Не уходи. Я даром почти отдаю, только приехал, понимаешь, а ты первый покупатель, знаешь правила?

Правила я конечно знал. В уличной и рыночной торговле считалось, что первый покупатель приносит... удачу или неудачу и с ним практически не торговались.

Тем не менее, правила требовали от меня держать марку:

– Кислятина небось?

– Э-э-э! Зачем такие вещи говоришь, брат. Ты попробуй сначала. Мандарины слаще мёда! Слаще сахара! Слаще варенья из белой черешни. Знаешь варенье из белой черешни?

– А зачем мне мандарины, которые слаще варенья из белой черешни. Захочу варенья – поем варенья. Мандарины должны быть кислыми, – коварно сказал я, стараясь его провести.

Но он не поддался:

– Хочешь кислого – лимоны купи, а мои мандарины сладкие, как варенье из белой черешни. Знаешь варенье из белой черешни? Не знаешь, наверное,

– Я то знаю варенье из белой черешни, а ты сам знаешь? – не уступил я инициативы.

– Э-э то! Я как не знаю?!

– А вместо косточек туда кусочки грецкого ореха кладёте? У вас в Самегрело орехи растут? Да вы и косточки из черешни не вытаскиваете небось, прямо с косточками варите варенье!

– Раййо?! Мы не знаем орех?! Вай ме! С ума меня сводишь? Мы не знаем орех?! – полез он в бутылку, что мне и требовалось.

– А ну дай мандарин, посмотрю, – быстро сказал я, резко протянув руку, меняя тему, чтобы застать его врасплох.

– Даже попробуй на здоровье, Обрати внимание, как легко очистить, сами выпрыгивают из шкурки, чувствуют хорошего человека, здороваются, «как дела» – говорят,

Присев на корточки, пранишка шёлкнул замком чемодана. Крышка откинулась и показали аккуратные ряды крупных мандарин. Они были с веточками, усеянными тугими тёмно-зелёными листьями. Листки выглядели совершенно свежими, и значит мандарины, ещё вчера висели на дереве.

Вид спелых, наполненных сладким с кислинкой соком плодов вызвал желание погрузить в мандарин зубы, упиваясь его ароматом и вкусом, жевать сочную мякоть, утирая ладонью губы. Во рту пересохло и я потянулся к протягиваемому мне крупному мандарину с зелёным бочком.

Но раньше, чем я успел его взять в руки, на мандарин упала тень. Чьи-то руки захлопнули крышку чемодана, и на неё встал черный полуботинок, выше которого виднелся синий хлопчатобумажный носок, покрытый серой милицейской штаниной с тонким красным кантом, возможно тот самый, отражение которого я приметил чуть раньше в луже.

Увлёкшись торговыми делами мы оба не заметили, как сзади к нам неслышно подошли три милиционера. Самый толстый и наглый из них носил погоны старшего лейтенанта и был начальником. Он то и поставил ногу на чемодан,

да так и остался стоять с гордым видом словно сделал что-то путное.

Двое других были совсем молоды, и судя по новеньким сапогам и отсутствию оценивающего выражения во взглядах, они совсем недавно поступили на милицейскую службу, только на днях демобилизовавшись со срочной службы в советской армии. Невысокий рядовой с бледным лицом и худощавый подтянутый парень с лычками младшего сержанта.

Как студент юридического факультета, я хорошо разбирался в подобных вопросах и сразу определил, что пацаны служили в патрульно-постовой службе – они были одеты в шинели, перетянуты портупелями, на которых висели планшеты. Я даже знал, что в находится в их планшетах – книжки проверок, в которых расписывалось милицейское начальство во время проверки патрулей. У одного на груди висела рация и в довершение ко всему оба носили зимние шапки, говорившие о переходе на зимнюю форму одежды и такой порядок указывал на их принадлежность именно к полку ППС, в котором поддерживалась почти армейская дисциплина, в отличие от помятых милиционеров из полка охраны гособъектов, вневедомственной охраны или ночной милиции, которая заступала на службу в 23:00 и храпела до семи утра утра в своих автомобилях, отчего их шинели всегда были измяты.

Что касается старшего лейтенанта, то вместо шинели он носил форменный плащ, вместо сапог пошитые в ателье туфли (одной из которых он стоял на чемодане), а вместо зимней шапки фуражку. Потому ппсником он быть не мог, а стало быть являлся убнис инспектори, а по русски участковым, обнаружившим на своём участке незаконную торговлю и поспешивший поживиться, прихватив по пути двух постовых, сделав это исключительно для того, чтобы подчеркнуть свой статус.

«Чем торгуем?» – хищно спросил он, хотя все прекрасно понимали, что торгуют мандаринами. Вопрос повис в воздухе, поскольку никто не собирался на него отвечать и недовольный этим убнис инспектори повернулся ко мне. Он планировал получить взятку и свидетели ему не были нужны: – «тависупали бдзандебит, мокалаке» (можете быть свободны. гражданин), – не особенно церемонясь сказал он мне, и продолжил беседу с торговцем: – В общем торговля здесь запрещена, доходы в нашей стране могут быть только... (он хотел сказать «трудовые», но вовремя смекнул, что может поставить себя в смешное положение, ведь взятка, на которую он напрашивался тоже являлась нетрудовым доходом) ... в общем, это... короче, мандарины я конфискую.

Убрав ногу с чемодана, инспектори кивнул ппсникам. Те нагнулись и вдвоём не без труда подняли чемодан.

Продавец воспринял это, как начало атаки на его собственность, схватился за чемодан руками и потянул к себе.

– Как это конфискую? Какое право имеешь...

– Я на всё здесь имею право, я районный инспектор, а ты, кто такой!

– Ну и что что ты районный инспектор, иди бандитов лови, от меня что хочешь?

– Ты спекулянт...

– Я спекулянт? Твоего отца сын спекулянт! Мандарины из моего сада, я их вырастил, не купил, не украл! В землю косточки зарыл, поливал, удобрял, ночей не спал! Я спекулянт?! Урожай собрал, две копейки приехал сделать перед праздником, а ты конфи... конспи... отнимаешь?

В разговор вступил рядовой:

– Как разговариваешь? С кем говоришь? Думаешь на кухне у себя дома сидишь?

– А ты куда лезешь, – огрызнулся мегрел, – У тех двоих хоть что-то есть на погонах а у тебя погоны такие гладкие, что, если кто-то ногу поставит тебе на плечо, поскользнётся!

Раздался хохот остановившихся прохожих.

«Руки убрал!» – рявкнул инспектор, привыкший к покорности уличных торговцев, которые при словах: «конфискую товар», обычно скисали и лезли в карманы за дензнаками, причём никогда не вытаскивали всё, что там было, а осторожно двумя пальцами старались угадать «тумниани» (десятирублёвку) или две купюры по пять рублей – откат участковому, после чего ещё предстояло заплатить трещку местному ппснику.

Но, времена менялись, в воздухе веяло свободой и это было понятно даже провинциалу с мандаринами. Уловив, что симпатия собирающейся толпына его стороне, он уверенно ухватился за чемодан и потянул к себе. Теперь за чемодан держались четыре человека, но милиционерам было тесно, неудобно, они только мешали друг другу и потому несмотря на численное преимущество не могли взять верх. Участковый почувствовал комедийность ситуации и это его разъярило.

– Соппротивление оказываешь?! У шен чатлахо! – зашипел он и пнул ногой торговца под чемоданом, стараясь попасть в пах, но до паха он не дотянул, а задел колено. Это было не больно, но парень выпустил чемодан из рук и не ожидавшие этого милиционеры свалились на асфальт вместе с трофеем, который они, в отличие от его владельца, так и не выпустили из рук. При этом чемодан широко раскрылся, словно собирался кого-то укусить, и засыпал всех троих мандаринами.

«Вай ме! Вай ме!» – в отчаянии закричал хозяин чемодана глядя, как стремительно его мандарины катятся по асфальту. Одни гибли под колёсами автомобилей, другие отдавали концы под каблуками поднимавшихся милиционеров под смешки городской толпы всегда готовой позубоскалить.

Ппсники смешались с толпой, жалея, что впутались в эту историю. Убнис инспектор поднялся последним. Его плащ был перемазан соком, к выбранной щеке прилипли сегменты раздавленного мандарина, который он припечатал физиономией к асфальту, отворачиваясь от летевшего на него чемодана.

«И чтобы я тебе тут больше не видел», – объявил он напоследок, чтобы сохранить лицо и повернувшись торопливо зашагал прочь.

«Цади ра, цади укве!» (Проваливай, проваливай уже!)» – крикнул кто-то и свистнул. Старший лейтенант не оглядываясь пошёл по улице и вскоре скрылся в подземном переходе. Ещё недавно дело обернулось бы совсем по другому и парню могло не поздоровиться за сопротивление милиции, но дул ветер перемен, и в то время, как перед Домом правительства стояли люди транспапантами «Долой СССР – Да здравствует Свободная Грузия!», а ораторы открыто призывали к провозглашению независимости – на красных петлицах участкового до сих пор блестели два маленьких герба СССР. От этого он не чувствовал себя всеильным, и понимал, что вести себя так как раньше уже не получится.

Веселье толпы сменилось сочувствием к торговцу. Чемодан подняли, перевернули, принялись заполнять его уцелевшими мандаринами. Я сунул руку в карман и нащупал пять рублей.

– Держи, плачу по рублю за мандарин, Очень уж они у тебя хорошие. Давай пять штук,

– Ты, что – по пять рублей за штуку! Это же не золото. Бери пять – шесть килограмм, – всхлипнул парень.

Куда мне столько? Я на работу иду, коллег угощу. Ну, ладно возьму ещё парочку.

Когда я уходил, народ с переplatой всю разбирали мандарины, помогая возместить убытки пострадавшему. Дух протеста витал над городом.

***

Днем опять пошёл дождь. Тенгиз дремал за засыпанным мандариновой кожурой столом, мы с Зурабом развалились на стульях перед окном и глядели на то, как струи воды обрушивались на резные балкончики трёх этажей. Ливень изощрялся как мог – менял направление и наклон струй, то лупил по окнам с удвоенной силой, то оступал, чтобы перевести дух и начать свою одиссею заново. Окна заливало потоками воды, казалось они вот-вот захлебнутся, но вода стремительно стекала вниз и сияющие стёкла, торжествуя отражали свежевывмытый итальянский дворик – его веранды, бельевые верёвки, двери, решётки, бурые от времени кирпичные стены... Невозмутимый дождь отступал и тут же с удвоенной силой обрушивался на упрямую материю.

Я принялся комкать исписанный лист бумаги, изготавливая летательный снаряд.

– Спорим, заброшу в ухо, – шёпотом сказал я Зуре.

– Прямо в ушную раковину? Это навряд ли. – в голосе Зураба прозвучала нотка интереса.

Я подбросил будилку и промахнулся – попал по макушке. Тенгиз потёр её, открыл глаза, укоризненно на меня поглядел и отвернулся к стене.

– Я же говорил, что не попадёшь! Ну-ка дай бумагу, я тоже попробую, – радостно прошептал Зураб.

Тенгиз уже не дремал, а подслушивал, – он сразу повернулся к нам и укоризненно поглядел уже на Зураба.

Зазвонил телефон. Зураб вскочил и мгновенно выйдя из состояния апатии перешёл в состояние повышенной активности.

– Это «Свобода»! У меня передача, передача у меня сейчас, передача! – засуетился он, – А где лист, на котором я записал... Он схватил телефонную трубку, зажал её ладонью и зашипел:

– Лист! Быстро!

Я начал припоминать, что только, что видел какой-то листок покрытый закорючками, которые Зураб называет почерком.

– Лист! Где лист, сволочь?! – с ненавистью зашипел Зураб перепуганному Тенгизу, который полез под стол и выудив бумажный шар которым я в него запустил, (так вот где я видел этот листок) подал Зурабу.

– А-а-а! —эакричал, было, Зураб, – но вспомнив про телефонную трубку поднёс её к уху и вежливо проговорил:

– Добрый день. Агентство новостей Ибе... – тут он опять скис и передал трубку мне:

– Тебя. Вигнанский.

– Слышишь, Лолишвили, – - возбуждённо и торопливо заорал мне в ухо Мишель, – Я еду на вокзал за билетами. В командировку меня посылают. В командировку, понимаешь?! Северный Кавказ – Грозный, Махачкала, Владикавказ, потом Баку. Тьфу! Кажется наоборот! Сначала Баку, потом всё остальное. Слушай, Лолишвили, поехали вместе, а! Ты только представь себе: Азербайджан, Дагестан, Чечено-Ингушетия, Северная Осетия, и на всё про всё у нас неделя. Красота! Для своей «Иберии» знаешь, сколько материала наберёшь! Помнишь Михалкова? —

«Я приехал на Кавказ,
Сел на лошадь в первый раз...»

Я опустил трубку и сказал Зурабу:

– Этот тип едет на Северный Кавказ собирать фольклор и зовёт с собой. Конечно, ему просто лень переться одному, но, в принципе, нам бы тоже не помешало немного фольклора, а?

– Пожалуй, – ответил Зура подумав. Потом сурово поглядел на Тенгиза и добавил:

– И студента с собой захватите. А то возись тут с ним без тебя. Покажешь ему там как... как... фольклор собирают.

Я поднёс к уху трубку, в которой всё ещё бушевал голос Вигнанского, -А виды какие! Ущелья, вечные снега. Ты только подумай! Засиделись! Хватит! Ветер странствий...

– Слышишь, Мишель, – прервал я Мишку, – Я с тобой. Только, чур, я главный!

ГЛАВА 6

Вечером, мы втроём – Мишка, Тенгиз и я собрались *в квартире на проспекте Мира*, жилплощади, которой Тенгиз, сам того не зная, был стольким обязан.

Мы выступали в поход вечером следующего дня. Поездка обещала стать увлекательной. Миссия Вигнанского была легка, как воздух и неопределённа, как туманность Андромеды. Когда то, ещё в школьном возрасте, я наткнулся на определение синхрофазотрона, которое покорило меня своей понятной непонятностью так, что я умудрился запомнить его на всю жизнь:

«Синхрофазотрон есть циклический ускоритель протонов с орбитой постоянного радиуса».

На первый взгляд всё просто. Во всяком случае с терминами. Ускоритель для того, чтобы ускорять. Не так? Так! Ещё как так! Дальше. Ускорять что? Ха! Проще пареной репы – протоны. Как ускорять? Циклически вот как.

То есть смысл определения ясен и ежу. С другой стороны не всякий ёж соображает зачем протоны нужно ускорять. Да ещё с орбитой постоянного радиуса. И кто из них, вообще, с этим окаянном радиусом? Протоны? Ускоритель? Словом мудреные штуки эти синхрофазотроны.

Мишкино задание столь же загадочно, как и определение синхрофазотрона. Незадолго перед всем этим он перешёл из «Вечёрки» в новую газету под названием «Кавказ», хозяева которой вообразили, что для успеха им необходимо поместить на передовицу самого первого номера (который только готовился) банальную до желтизны фразу: «Кавказ наш общий дом».

Если нам не ввали учителя географии, Кавказ состоит из двух частей: Северного Кавказа и Южного, то бишь, Закавказья. Обе эти части были тогда довольно сомнительными общими домами – на Севере друг на друга точили ножи ингуши и северные осетины, а также чеченцы и казаки. В Закавказье шла кровопролитная война за Нагорный Карабах между Арменией и Азербайджаном, и имелись все предпосылки для начала конфликта в Самачабло (как эту территорию называли грузины) или Южной Осетии (название предпочитаемое осетинами).

Кроме того, все воевали сами с собой – повсюду имелись вооружённые до зубов отряды под невинными названиями «социал-демократы», «кадеты», «национал-демократы» и прочее. В общем, СССР отдавал концы, и беспорядки на его периферии были схожи с процессами, имевшими место на границах затрепавшего по всем швам полтора века назад Древнего Рима, когда все старались поскорее доконать распадающуюся империю.

Но новые Мишины хозяева не обращали внимания на такие пустяки. Они желали, чтобы на их газете было написано: «Кавказ наш общий дом». А, чтобы никто в доме не обиделся, эту фразу решили напечатать на всех языках Кавказа. Вот этот то кокосовый орех и предстояло разгрызть Вигнанскому.

Языков так много, что расслабляться ему нельзя было нигде – на всех станциях, полустанках, переездах, перегонах, перронах и платформах Вигнанский должен был сломя голову нестись на поиски знающих людей которые смогли бы перевести упомянутую выше теорему на: кумыкский, лезгинский, лакский, агульский, аварский, каратинский, и табасаранский языки. А в запасе ещё: рутинский, чамалинский, удинский, андийский, ахваский и много ещё каких других языков!

Мне не терпелось увидеть, как Мишка будет бродить по аулам и приставать к обидчивым горцам с идиотскими вопросами: «Привет, джигиты! Чтоб... это самое... всегда были резвы ноги ваших скакунов. Между прочим, не подскажете как... хм-хм, написать на чамалинском языке – Кавказ наш общий дом? Не знаете? И по ахваски не знаете?»

Я подозревал, что это будет необыкновенным зрелищем и заранее предвкушал его.

Что касалось нашей с Тенгизом миссии, то в сравнении с задачей Вигнанского, она была скромна как деревенская девушка, говорящая на табасаранском языке (в котором, кстати, сорок восемь падежей, и который занесён в книгу рекордов Гиннеса, как один из самых сложных языков мира) и заключалась, всего лишь, в большой информационной статье для «Экспресс-Хроники» о политической обстановке в кавказских автономиях, приоритетах населения и интервью с представителями различных партий.

Мы выступали в поход на вечернем поезде Тбилиси—Баку. В столице Азербайджана особых дел не имелось (для перевода на азербайджанский вовсе не обязательно выезжать из Тбилиси) и задерживаться там мы не планировали. В Баку нам предстояло провести один день, чтобы, чтобы опять же вечерним поездом выехать оттуда в Махачкалу. На этом месте чёткие планы экспедиции прерывались и начиналось неведомое, как у героев повести Конан Дойла «Затерянный мир». Мы не знали сколько времени займёт у нас дагестанский этап после которого на горизонте маячили Чечено-Ингушетия и Северная Осетия.

ГЛАВА 7

Железнодорожный состав качнулся и замер. Спустя несколько секунд он качнулся и замер снова. Поезд вёл себя так словно он колебался отправляться и раздумывал стоит ли рисковать. Наконец пассажирский эшелон Тбилиси – Баку, отбросил сомнения, решительно протрубил и тронулся, быстро набирая ход.

Скупое вагонное освещение заливало интерьер тусклыми канареечными оттенками. Это навевало хандру и отъездную тоску по дому. Щемило в груди и отчаянно хотелось, чтобы поскорее наступило утро. Мы заперли дверь купе на защёлку, наскоро перекусили холодными котлетами с помидорами, и не теряя времени завалились спать, поскольку весь завтрашний день нам предстояло провести на ногах шатаясь по чужому городу, в котором у нас к тому же не имелось никаких дел.

Вселенная жила своей жизнью – где-то пили чай с баранками, а где-то взрывались звёзды, всё было *comme il faut* и сыроватые простыни, плоские подушки, мерное покачивание вагона под перестук колёс – всё укладывалось в порядок вещей. Хаос танцевал с Гармонией, время сливалось с пространством...

В окне мелькал жёлтый свет придорожных фонарей, в котором виднелись размытые неясные контуры строений и деревьев, тонущих в темноте. Я сонно глядел на них зачем то борясь с искушением закрыть глаза, мне казалось, что быстро заснув, я пропущу что-то важное, какой то жизненный фрагмент, которого потом не вернуть и которого мне будет очень не хватать... Вот поезд замедлил ход и со скрипом остановился. В окно вплыло здание небольшого вокзала с часами и названием станции, в котором не хватало последней буквы. Я попытался его прочитать, но глаза сами собой закрылись.

Хорошо проснуться в залитом солнцем купе. Повсюду скользят яркие блики, они вспыхивают на никелированных полочках и на рукоятке двери, пробегают по столу и по лицам сладко спящих друзей улыбающихся во сне. Вагон не раскачивает, не слышно перестука колёс, а за окном живёт своей жизнью большая станция, оттуда доносятся – хриплые крики носильщиков, шутки встречающих, брань, свистки...

Я проснулся от холода. В купе было пасмурно и зябко. На столике лежала газета с остатками вчерашнего ужина. С верхней полки доносился лёгкий стук барабанных палочек – там стучал зубами спящий Тенгиз. Ярусом ниже лежал, с головой закутанный в бумажное одеяло, Вигнанский.

На ноги одеяла не хватило и из кокона торчали босые пятки.

Я выглянул в окно, посмотреть на станцию, но обнаружил лишь бурую, набухшую от дождя степь, поросшую чахлыми кустиками. Словом передо мной раскинулся самый унылый пейзаж какой только можно себе не пожелать увидеть спросонья. Решив, что друзьям тоже необходимо срочно увидеть мокрую степь, я оттянул, удерживаемую в исходном положении пружиной, сетчатую полочку и отпустил её. Она громко стукнула по стене, что вызвало недовольное шевеление и ворчание на обоих ярусах.

За одеванием и умыванием мы прибыли в Баку. Состав малым ходом прошел последние сотни метров и триумфально остановился там где ему было положено.

Нами было решено оставить вещи в камере хранения вокзала и побродить по городу налегке. Список мероприятий предусматривал бритьё, обед и прогулку по набережной Каспия.

Александр Дюма, проезжавший Баку по дороге в Тифлис в конце пятидесятих годов девятнадцатого века, оставил несколько интересных воспоминаний об этом городе. Вот одно из них:

«Скоро Баку предстал перед нами во всей своей красе; мы как будто сходили с неба. На первый взгляд есть как будто два Баку: Баку белый и Баку чёрный.

Белый Баку-предместье расположенное вне города, -почти целиком застроилось с того времени, как Баку стал принадлежать русским.

Чёрный Баку, – это старый Баку, персидский город, местопребывание ханов, окружённый стенами менее прекрасными, менее живописными, чем стены Дербента, но, впрочем, вполне характерными.

Разумеется все эти стены воздвигнуты против холодного оружия, а не против артиллерии.

Посреди города красовались дворец ханов, разрушенный минарет, старая мечеть и Девичья Башня, подножие которой омывается морем.»

По этому отрывку трудно судить о том, насколько понравился город автору «Королевы Марго», лично нам Баку очень понравился, особенно, его старая часть. Центр был просто великолепен. Смешение европейского и азиатского стилей, древние стены напомнили другие строки А. Дюма:

«Въезжая в Баку думаешь, что попадаешь в одну из самых неприступных средневековых крепостей. Тройные стены имеют столь узкий проход, что приходится отпрягать пристяжных лошадей тройки и пустить их гуськом. Проехав через северные ворота, вы очутились на площади, где архитектура домов тотчас же выдаёт присутствие европейцев. Христианская церковь возвышается на первом плане площади...»

Пристяжных лошадей у нас не имелось так, что отпрягать и пускать гуськом было к сожалению некого. Разочарованные этим, мы отправились обедать. Приют нашли в ресторане какой то гостиницы в центре города.

В памяти на всю жизнь остались два образа – меню, в котором имелось одно только блюдо, жареная стерлядь (после изобилия тбилисских ресторанов нам это обстоятельство показалось более, чем странным) и невероятная для того времени цена в 100 рублей которую с нас попытались «заломить» за три порции. Вероятно причина была в том, что мы прибыли в заведение небритыми и пешим ходом. Нагрять мы на лошадях нас приняли бы с большими почестями и подали другое меню. В Грузии меньше внимания обращали на подобные вещи и мы привыкли к более высокому уровню общепитской демократии.

Оскорблённый таким обращением Вигнанский, резво запрыгал перед метрдотелем, размахивая удостоверением и рьяно призывая нас с Тенгизом в свидетели, громко объяснял, что он корреспондент самой известной в мире газеты «Кавказ» и, что никому кто пытается «надуть» такую шишку не поздоровится.

Пожилой вышколенный метрдотель внимательно слушал его, а потом ослепительно улыбнулся, пустив золотым зубом солнечных зайчиков и примирительно сказал:

– Три рыба – сто рублей? Нехорошо, ай-ай-ай! Наверное Вагиф ошибся да.

После этого он тяжело вздохнул, а нам принесли счёт на 60 рублей. Вигнанский побагровел и запрыгал перед метром во второй раз.

Тот терпеливо прослушал всю пластинку до конца и опять очень удивился:

– Три рыба – шестьдесят рублей? Нехорошо, ай-яй-яй. Наверное Вагиф опять ошибся да. После этого он вздохнул во второй раз.

Счёт унесли и принесли другой на сорок рублей.

Вигнанский погрустнел, но скакать больше не стал и мы, заплатив, отправились восвояси.

На вокзале перед отъездом мы совершили три дела – заели сторублёвую стерлядь мороженым, побрились в привокзальной парикмахерской и сделали первые шаги в изучении азербайджанского языка – мороженое – *дондурма*, парикмахерская – *берберханы*, касса – *касасы*.

Вечер застал нас в купе поезда уносившего берегом Каспийского моря, на север, в направлении Дагестана. Вагон опять заливало тусклое канареечное электричество, но от этого уже не так щемило животы. Время брало своё и хандра потеряла пронзительность, её разбавили пережитые за день впечатления так, что мы глядели в окно с осторожным оптимизмом. Железнодорожный состав, со знанием дела перестукивал литыми колёсами. Сверху на Каспий театральным занавесом опускались синие сумерки. Шло двадцать второе декабря 1990 года. В торговых центрах стран капитализма, на который наша новейшая история начинала брать курс, царил предрождественская суета.

ГЛАВА 8

В Махачкале зябко. Ветер и мокрый снег в тот день заключили союз и превратили столицу Дагестана в царство плохой погоды.

Подгоняемые в спину порывами ветра несущего легионы полукапелек – полуснежинок, мы прошагали узким фронтом, выискивая проходы в слякоти центральной улицы и скрылись в гостинице «Ленинград»...

За окном над крышами незнакомого города тоскливо выл ветер. Где-то нараспев читали молитву. Мы долго лежали на кроватях, прислушиваясь к ветру и молитве. Никто не решался брать на себя инициативы. Ветер налетал на гостиницу резкими порывами, выл и свистел запутавшись в проводах и выбираясь из проводов и закоулков коммуникаций крыши. Такое поведение гасило весь наш объединённый энтузиазм и мы хранили молчание.

Самыми слабыми нервы оказались у Мишеля:

«Ну я пошёл?» – неуверенно спросил он.

Не дождавшись комментариев он сел и принялся натягивать ботинки. Мы с Тенгизом внимательно следили за ним.

Вигнанский взял в руки левый ботинок, внимательно его осмотрел со всех сторон, затем поставил на пол и взялся было за правый, но почему то передумал, вернулся к левому и принялся его надевать.

Он очень долго возился, подправлял обувь, осматривал, как она сидит на ногах, тщательно подтягивал шнурки.

Наконец он исчерпал все возможные комбинации действий, встал и с несчастным видом повторил: «Ну я пошёл?»

Не дождавшись ответа, Мишка ушёл, укоризненно топая ботинками и хлопнув дверью. В этом стуке прозвучал такой неподдельный упрёк, что у меня ещё сильнее заныл живот. За окном по-прежнему свистел ветер, за стенкой нараспев молились и не имелось никаких предпосылок считать, что эти обстоятельства вскоре изменятся.

Я сел и принялся натягивать ботинки. Процедура обувания становилась для нас чем-то вроде церемониального танца какой исполняли некоторые народности собираясь всем племенем на охоту.

Тенгиз внимательно следил за тем, как ловко я управляюсь со шнурками.

«Вставай, студент, – торжественно обратился я к нему, когда дело было сделано, – Надевай ботинки. Пришла твоя пора собирать фольклор. Или ты думаешь, что не за этим сюда приехал?»

Пока Тенгиз исполнял свой танец, я вышел из номера и направился к дежурной по этажу. Мне давно известен один секрет – лучшие справочные бюро в гостиницах незнакомых приезжих городов, это дежурные по этажам. Они привыкли к самым необычным вопросам постояльцев и у них, как правило, имеются на них ответы. Но, в этом деле имеются свои тонкости, чтобы получить ответы, нельзя проявлять интерес и рубить сплеча. Советский гостиничный персонал презирал прямо поставленные вопросы с такой первородной силой, что вытянуть нужные сведения можно было лишь при помощи уловок, фокусов, ужимок и ловушек.

Несмотря на то, что дежурным скучно за стойками и тянет поговорить, им не хочется болтать со всеми подряд. Улавливаете? В этом вся соль! Гостиничный персонал не склонен разговаривать с тем, кто хочет что-то выпытать. Он замыкается, начинает отвечать односложно, притворяется, что страшно занят и пиши пропало. Нет! Дежурная по этажу стремится поговорить как раз с тем, кто этого не хочет. Вся хитрость заключается в том, чтобы подобрать правильную наживку и ловко забросить её.

Карпа, к примеру, можно словить на хлебный мякиш. А вот форель или, скажем, осётр на хлебный мякиш не клонут ни за какие коврижки. А на червя клонут. Но клонут только в том случае если будут твёрдо уверены, что тебе этого не нужно. Но если у них появится малейшее подозрение на твой счёт, то можешь сразу сматывать удочки. Так и дежурные по этажам. С ними нужно быть начеку.

Мне требовалось узнать, где обитают неформальные объединения. Я медленно, словно думая о чём-то своём, приблизился к дежурной и сосредоточившись на окне за её спиной задумчиво пробормотал: «Опять снег пошёл. А у нас, совсем, тепло».

«У нас» – тот самый червяк, которого я насадил на крючок.

– Где у вас? – немедленно «клюнула» дежурная.

Я сделал вид, что только сейчас её увидел:

– А я вас и не заметил! Задумался. У нас это в Тбилиси.

Дежурная взяла наживку так хорошо, что мой поплавок, бешено, заплясал а воде, распугав стрекоз и разогнав в стороны ряску.

– Так вы из Тбилиси? Ого! А у меня там двоюродная сестра живёт. В прошлом году мы к ним ездили в гости и нам очень понравилось!

– Сейчас у нас беспокойно, появились всякие неформальные движения и всё такое, – направил, я разговор в нужное мне русло.

– А где сегодня спокойно? И у нас создаются всякие движения.

– Не может быть!

– Точно вам говорю! Вон в Институте языка, целую партию образовали, кажется социал-демократическую, я в этом не очень разбираюсь. Уже и в газетах про них писали.

– В Институте языка? Знаю! Большое такое здание, из красного кирпича, напротив вокзала.

– Да нет, это в другом районе, – на улице Маяковского. Туда автобус номер четыре идёт. Но это не важно! Вы только послушайте, что наш директор на собрании сказал.

Дежурная довольная тем, что заполучила покладистого слушателя, приготовилась подробно рассказывать о том, что именно сказал директор, кто при этом присутствовал и кто как на это реагировал, но тут на сцене появился обувшийся Тенгиз, и я не узнал, что обычно говорят директора махачкалинских гостиниц на собраниях трудовых коллективов, относительно неформального движения.

– Ну и куда мы сейчас? – спросил Тенгиз, когда мы вышли на улицу.

– Как куда? В Институт языка, разумеется.

– А на кой нам Институт языка?

– Мог бы и сам догадаться.

– Неформалы?

– Точно.

– А, где это? Надо у кого-нибудь спросить.

– Не надо. Садимся на автобус номер четыре, едем до улицы Маяковского, а вот там, если что спросим.

– Ты, что здесь уже бывал?

– Нет.

– А откуда...

Пойдём скорей. В автобусе я тебе расскажу, как это делается.

Светофор открыл свой зелёный глаз, и мы перешли улицу. Под ногами чавкало серое месиво. Где-то на этих улицах, по серому месиву шлёпал Вигнанский, сжимая в кармане список кавказских языков на которые ему предстояло перевести предложение *Кавказ наш общий дом*.

ГЛАВА 9

Институт языка не оправдал ожиданий. Никаких социал—демократов там не было и в помине. Они завелись в не в Институте языка, а в Институте литературы.

Это заведение находилось на другом конце города. Мы с Тенгизом решили разделиться: он поехал обратно в гостиницу, чтобы поджидать там Вигнанского, который мог вернуться с новостями для нас.

По уговору он должен был узнавать всё, что можно о партиях и движениях, а мы хватать под локти всякого местного полиглота и совать ему под нос бумажку с лозунгом: «Кавказ наш общий дом».

Итак, Тенгиз вернулся в гостиницу, а я продолжил идти по следу неформалов. Но след на этот раз оказался верным и привёл меня туда куда было нужно. Спустя некоторое время, замёрзший и уставший я сидел

в кабинете на третьем этаже дагестанского Института литературы, перед членом правления социал-демократической партии. Этого достойного человека звали Алексей Николаевич и он проявил себя с самой хорошей стороны, во-первых напоил меня горячим чаем, во-вторых обстоятельно ввёл в курс местной политической обстановки.

Институты многопартийности, которую тогда называли неформальным движением, только зарождалось и было совершенно неясно, что за зверь такой пробуждается от семидесятилетней спячки. В условиях, когда в кавказском винном бочонке забродил дух сепаратизма в ядовитых испарениях которого угадывались контуры грузино-южноосетинского конфликта, а самые дальновидные прогнозировали проблемы в Абхазии, информация о реальных раскладах в регионе представляла огромный интерес.

Начались «трения» между осетинами и ингушами из-за спорных приграничных территорий. Всегда тлевшая как зола в плохо затушенном костре, вражда между казаками и чеченцами, исторические корни которой уходят в прошлые века, тоже грозила новым пожаром – произошли несколько вооружённых столкновений и обе стороны извлекали из фамильных сундуков дедовские сабли и кинжалы.

Я расспрашивал Алексея Николаевича о программных целях парии, её численности, позиции по вопросу государственного устройства Дагестана. Затем принялся задавать вопросы относительно общей политической обстановки в автономии, других движениях. Собеседник неплохо анализировал, не впадал в крайности и умело оперировал имевшейся у него информацией. Он сделал ряд оказавшимися впоследствии верными прогнозов: полный распад Союза, новую русско-чеченскую войну и то, что значительно русифицированный Дагестан останется частью Российской Федерации. Словом, я получил исчерпывающую информацию и унёс из Института литературы полностью исписанный блокнот.

Теперь следовало встретиться с представителем официальных властей, чтобы материал получился сбалансированным и показывал противоречия (либо их отсутствие) между двумя ветвями – правительством и неформалами.

В гостиничном номере было уютно. Вигнанский с Аблотия развалились на кроватях и вели спор о том какой соус правильной подавать к жаркому – зелёную подливку из алычи или бордовую из слив сорта «Ткемали».

Эта пошлая сцена вызвала волну раздражения вполне оправданную для человека прошагавшего полдня под снегом и ветром. Вид лежащих без дела друзей вообще вызывает дискомфорт, а тут я испытал чувства преданного коварными партнёрами золотоискателя, весь день, вымывавшего крупинки золота из речного песка в глуши Юкона или Аляски.

– Всё валяется как ленивые скоты в хлеву? – поспешил я внести ясность в ситуацию.

– Смотри какой он злой! Ха-ха! Скучно, небось, по лужам за неформалами прыгать, – ответил Вигнанский, и они довольно «заржали». В их хохоте так явственно слышалось лошадиное: «иго-го!», что стало тошно. Я открыл было рот, чтобы ответить как следует, но нечеловеческим усилием воли сдержал себя и остаюсь холоден и вежлив:

«Даже в неоплодотворённом курином яйце побольше интеллекта, чем в разговаривающих ослиных задницах на ваших кривых шеях».

Они опять восторженно закудахтали. Надрыгав ногами, Вигнанский сделал серьёзное заявление:

«Завтра иду к замминистру внутренних дел. Думал, что тебя это тоже заинтересует, но вижу, что ошибся. Нельзя же вести человека с таким лексиконом в это заведение».

Я выудил из кармана блокнот, продемонстрировал страницу, на которой на пяти или шести языках было написано: «Кавказ наш общий дом» и сказал:

– Вот, известная тебе фразочка от мастеров перевода. Я тоже думал, что тебя это заинтересует, и тоже вижу, что ошибался. Нельзя же помогать неблагодарному прохвосту, даже если и сидел с ним, когда-то за одной партией.

– Я имел в виду, что замминистр это слишком мелко. С тобой нужно идти не меньше, чем к самому министру.

– Ну тогда забирай листок. По-правде говоря, я имел в виду не тебя, когда говорил про разговаривающую ослиную задницу.

Вигнанский косо поглядел на сразу поскуцневшего Тенгиза и подвёл итог дискуссии:

– Я так и думал. В общем завтра к десяти утра нам надо быть в министерстве.

* * *

Ровно в десять утра мы в приёмной.

«Замминистра» не заставил нас долго ждать, – в 1990 году, заезжие журналисты не частые гости автономных республик и областей. Беседа заняла около часа и её результатом стал ещё один исписанный блокнот. На этот раз я получил исчерпывающую информацию о криминогенной обстановке плюс размышления представителя МВД о политических событиях. Но заглянуть в будущее силовика не удалось – он не верил в распад СССР и полагал, что всё останется по-прежнему, вроде как «перебесятся и успокоятся».

В любом случае, я был доволен. Материала имелось достаточно, чтобы «слепить» из него информационный обзор социально-политической обстановки в Дагестане. Но у Вигнанского ещё оставались кое-какие дела, которые он рассчитывал завершить в тот же день. Было решено уехать из Махачкалы в Грозный утром следующего дня.

Хотя католиков среди нас не было, вечером мы накрыли в номере стол по случаю Рождества. Главное блюдо – большая банка китайской тушёнки «Великая стена». Тушёнка оказалась первосортной и превосходно запивалась душистой, сладковатой «Хванчкарой» прихваченной из Тбилиси.

«Вот ведь счастливый народ китайцы», – изрек Тенгиз набив рот и прикрыв глаза от избытка чувств. Мы вопросительно посмотрели на него. «Такую тушёнку едят!», – разъяснил он свою нехитрую мысль. Мы не стали спорить. Полки продуктовых магазинов тогда были пусты, это делало людей неприхоливыми и они с радостью обходились тем, что имели.

ГЛАВА 10

Поезд Махачкала – Грозный отправлялся в 11 часов. Отсутствие отпечатков обуви на загустевшей за ночь слякоти перед вокзальной кассой говорило о том, что во всей Махачкале никому кроме нас, в тот день не требовалось выезжать в Грозный.

– Сколько нам ехать? — поинтересовался Вигнанский деловито потирая руки.

– С полдня, кажется, или даже меньше.

– То есть, несколько часов, да?

– Вроде того.

– А стоит ли нам тратить на билеты? Всё равно в поезде будет не больше народу, чем сейчас перед кассой.

Выбрав вагон в котором не заметно проводника, мы удобно устроились в одном из пустующих купе. До самого Грозного нас никто не побеспокоил.

В Чечено-Ингушской АССР неспокойно. Конфликты ингушей с осетинами, и чеченцев с казаками становились всё острее. За несколько дней до нашего приезда сюда, прозвучали первые выстрелы – застрелили одного из мелких атаманов и станицы начали вооружаться.

О причинах давней вражды казаков и чеченцев, подробно говорить здесь, нужды нет. Интересующихся отсылаем к сочинению А. Дюма «Кавказ», роману Л. Толстого «Казаки», а также хроникам Кавказской войны 1817 – 64 гг, в результате которой к России были присоединены Чечня, Дагестан и часть Северо – Западного Кавказа, и в которой активную роль играли казачьи части.

Внимательное чтение исторических материалов меняет устоявшиеся стереотипы. К примеру, тех же чеченцев считают в России «историческими головорезами», но кто сегодня помнит о том, что во время Кавказской войны за каждую отрубленную голову абрека (непокорившегося России горца) платилось вознаграждение в десять рублей.

А. Дюма в своём (уже упоминавшемся) сочинении «Кавказ» описывает как стал свидетелем выдачи подполковником русской армии расписки на двадцать рублей за два человеческих уха.

Князь Мирский *«питавший, разумеется отращивание к этим кровавым трофеям, счёл достаточным, чтобы доставляли только правое ухо»* – объясняет Дюма.

При этом следует иметь в виду, что сам Дюма путешествовал в качестве российского гостя, с почётом принимался высокопоставленными чиновниками и военачальниками и его взгляд на вещи совпадал с их взглядами. В антироссийских настроениях его не заподозришь, скорее наоборот. Об ушах и прочих страстях он упоминает лишь по инерции, как истый романист, который, что увидел, о том и написал.

Что же касается напряжения между ингушами и осетинами, то здесь яблоком раздора стали территории прежде заселённые ингушами. После того, как в конце второй мировой войны этот народ был депортирован, их дома заняли осетины, и территории вошли в состав Сев. Осетинской АССР. Теперь, когда, советская власть пошатнулась, ингуши предъявили права на то, что когда-то действительно принадлежало им.

На фоне всех этих, висящих на стене ружей, неформальные организации Чечено-Ингушетии подняли вопрос о выходе из состава СССР и России. Кроме того Чечено-Ингушетия была готова разделиться на две части – Чечню и Ингушетию.

В Грозном мы «стали на постой» в цирковой гостинице «Арена». Название это погружало в детские воспоминания и окутывало воображаемым запахом арены – смешанным ароматом опилок и конского навоза. В голове всплывали образы – упитанные цирковые лошади с мощными крупами, мчались по кругу, вздымая копытами пыль и опилки. Круг был маленьким, но лошади уверенно нарезали его раз за разом, не проявляя ни малейших признаков голово-

кружения. В центре арены размеренно щёлкал бич, а на спине головного скакуна, как вишенка на торте сидела нарядная наездница. Её литые гимнастические ноги с крутыми бёдрами, туго обтянутые серебрянными колготками и притягивавшие восхищённые взоры мужской аудитории, то выпрямлялись – наездница вставала во весь рост на несущемся по кругу коне, то складывались, как складные перочинные ножи – наездница приземлялась обратно в седло...

Мы заняли номер на втором этаже и принялись раскидывать мозгами с чего и как начинать грозненский этап. Планы имели размах, но единственное, чем мы располагали была бумажка с адресом местной молодёжной газеты. Не имея выбора, мы начали разматывать катушку с этого конца.

Провинциальные советские города, все эти районные и областные центры, столицы АО и АР, в большинстве своём для приезжего были неинтересны и скучны. Чтобы жить нескучно, провинциальному городу требовалось иметь статус морского курорта. Такое звание разукрашивало сочными красками серость провинциальной среды.

Морской пляж – длинная теряющаяся в вечерних сумерках полоска бело-розовой гальки на которой тут и там растянуты для просушки рыболовные сети, издающие резкий запах тины (мечтательным одиноким блондинкам особо далеко забредать по гальке не рекомендовалось, для блондинок кавказские сумерки были полны сюрпризов и неожиданностей).

Жизнь была ключом, яркие южные цветы освежали красными и синими островками буйную субтропическую зелень, в просветах которой виднелись стенды-витрины со свежими номерами советских газет. Курортники жизнерадостно шагали на пляж мимо стендов с новостями. Их опьянённые морским воздухом головы, занимали совершенно другие мысли. Нужно было многое успеть, а отпуск так быстро таял на солнце! Отпускной народ жизнерадостно таскал сетчатые кошельки с персиками, сливами или арбузами, слюнявил газетные полоски и лепил их на носы, чтобы не обгорали, по тюленьи усеивал тысячами разгорячённых тел бело-розовую гальку пляжа. Море лизало курортникам пятки и смывало с них городскую пыль.

Ну а мелкие советские городки удалённые от моря вели совершенно другую жизнь, такую пыльную и унылую, что про неё и писать не хочется.

Основное различие между Грозным и Махачкалой имело не визуальный характер, но лингвистический. В Махачкале все говорили по русски. В Махачкале мы, кажется, так и не услышали никакого другого языка. В Грозном русскую речь мы слышали часто, но большинство людей разговаривали на нахских языках.

Нам повензло. На этот раз удача поджидала нас в лице корреспондента молодёжной газеты, Лечи Закаева. Заслышав, что по редакции блуждают коллеги из Тбилиси, этот парнишка сорвался с места, разыскал нас, где то между вторым и третьим этажами, притащил в свой отдел, где перезнакомил со всеми сотрудниками и жизнь немедленно наладилась. Тенгиз небрежно развалился я в кресле, и набив рот печеньем, завёл беседу с местной, побросавшей ради такого дела, печатные машинки и ручки, братией. Мы с Мишелем пили чай, Леча придвинул к себе телефон, чтобы позвонить депутату Верховного Совета автономии Тураеву.

«Интересная политическая фигура, – сказал он нам о Тураеве, – между прочим, сторонник выхода из состава РСФСР».

Тогда в девяностом это звучало совсем не так как сегодня. Тогда подобная постановка вопроса была чем-то невиданным и сенсационным. Услышав такую характеристику у журналистов чесались ладони, пальцы непроизвольно сжимались обхватывая воображаемый карандаш или нервно подёргивались словно стуча по клавишам невидимой печатной машинки. Хотелось действовать: куда-то бежать, звонить в редакцию, брать интервью, писать большую статью...

Тураев сразу согласился на встречу с нами, причём облегчил нам жизнь настолько, что вызвался сам приехать в редакцию «прямо сейчас». В ожидании мы с Мишелем продолжали дуть чай, а Леча тем временем вводил нас в курс местных событий.

– С казаками у чеченцев всегда сложности возникали, – рассказывал он, – Пока коммунисты рулили мы с ними особо не ссорились, так... что-то вроде холодного нейтралитета. Сейчас назревает конфликт. Да вот, на прошлой неделе, одного из казацких атаманов застрелили. Не слышали?

– Слышали. А, что там на самом деле произошло?

– Ну, что произошло? Как всегда ссора. Группа казаков возвращалась с какого-то праздника через чеченское село. Пьяные, разумеется. По пути помочились на забор. На забор чьего-то дома – понимаете? У горцев это сильное оскорбление, тем более аул. Это же не город! Сельский люд он особенно чувствителен к обычаям. В общем тоже не сахар. Слово за слово и началась. Скандал, мат, ну и... – Леча машет рукой и в свою очередь интересуется: – А, что в Грузии слышно?

– Что в Грузии? То же, что и везде. Митингуют, спорят. «Даёшь свободную Грузию!» – кричат. Пока не шмаляют, но в карманах у всех стволы. Как только кто-нибудь выстрелит пойдёт цепная реакция. После 9 апреля народ обозлился. Это была большая ошибка Москвы. Именно Москвы, Кремля. А Патиашвили и Родионова сделали козлами отпущения, чтоб народ выпустил пар. При чём тут они?! Такие вопросы ни первый секретарь, ни командующий округом не решают.

– Ну Грузии проще. Союзная республика не автономная. Де-факто вы уже независимые.

– Проще то проще, да ещё неизвестно, что лучше, – пробормотал я.

– Да, ну! Союз почти развалился, больше вас ничего не держит.

– Время покажет, Леча, что хорошо – что плохо. А пока, если честно, ни фиги не понятно.

Пока мы беседовали, в редакцию приехал Тураев. Он оказался невысок ростом, худощав, смугл. На голове, высокая каракулевая шапка, какие здесь носили большинство взрослых мужчин. Русским языком владел безупречно, хотя говорил не без акцента. Он поставил одно условие – просмотреть материал перед тем, как он будет передан в газету. Я согласился, ничего необычного в этом не было.

Мы проговорили с Тураевым не меньше полутора часов.

– Это историческая необходимость для нашего народа, – неторопливо говорил он, – нас загоняли в Союз насильно, а до этого Россия вела на нашей земле завоевательные войны. Целые поколения не выпускали из рук оружия. Они оказались просто заложниками российской политики, начинали воевать в детстве и до самой старости не знали мира. Сейчас, когда Советский Союз распадается, а фактически уже распался, мы должны, наконец, получить свободу.

– Как вы это представляете практически?

– Москва никогда не пойдёт на это, мы отдаём себе в этом отчёт. Если придётся, будем воевать.

– Вновь, всё пойдёт по накатанному пути, появятся новые поколения не знающие мира...

– Мы будем бороться за независимость.

– Но времена изменились. Основа современной армии это уже не кавалерия или пехота вооружённая ружьями, а танки, авиация, ракетные войска. У царской России не было ВДВ, спецназа, боевых вертолётов. Навряд ли сегодня вы будете в состоянии долго сопротивляться в случае такого конфликта.

– Мы прорабатываем возможности приобретения партий современного оружия.

– То есть вы хотите сказать, что ведёте конкретные переговоры о закупках военной техники? Кто это «мы»? С кем?

– Больше того, что я сказал, сказать не могу.

– Если я правильно Вас понял, вы имеете в виду, что здесь в Чечено-Ингушетии сложились некие структуры определившие необходимость выхода из Российской Федерации и уже разрабатывающие планы будущей войны?

– Нет, сказать, что мы ведём подготовку к войне нельзя. Но готовыми нам нужно быть ко всему. Мы просто не исключаем такой возможности.

– Но вы сказали, что ведёте переговоры о закупках оружия.

– Посмотрим, -уклончиво ответил Тураев., – Во-первых не переговоры ведём, всего лишь прорабатываем возможности. Для переговоров время пока не пришло. Посмотрим как получится у союзных республик, в Прибалтике, у вас в Грузии, да и кто в Грузии сейчас придёт к власти. Это очень важно для нас.

– В плане закупок оружия, которые возможно Грузия получит как свою часть «наследства»?

– Я этого не говорил. Просто для нас важна позиция Грузии, которая сегодня на Кавказе является самым реальным претендентом на полную независимость от России...

Мы решили, что Тураев заедет к нам в гостиницу к пяти часам вечера.

К назначенному времени он постучал в наш номер. Депутат пришел с другом, которого представил, как историка. Они прочитали материал, который я успел набросать, остались довольны, и пригласили нас в ресторан.

ГЛАВА 11

До Владикавказа мы опять ехали зайцами, и вновь обошлось без приключений.

– Даже неинтересно, – ворчал Тенгиз, которому страсть как хотелось приключений, – хоть бы для приличия билеты проверили разок!

– Не расстраивайся, студент, – утешил его Вигнанский, – тебя повяжут на обратном пути, когда ты будешь возвращаться один в свой Сухуми из Владикавказа.

Но такая перспектива Тенгиза не воодушевила. Вся прелесть заключалась для него в том, чтоб оказаться застигнутым вместе с нами. Тогда это весёлый, а главное безопасный эпизод, которым впоследствии можно будет щегольнуть перед однокурсницами:

«Хо-хо-хо, хи-хи-хи, – стал бы рассказывать он девчонкам, давясь смехом, – По пути во Владикавказ, куда я ездил с двумя стажёрами по заданию очень известной газеты, нас застучали без билетов. Глупые стажёры, было, перетрусили, но с ними был я, который спас положение. В общем, всё обошлось».

Прибыв во Владикавказ, мы прямо на вокзале расстались с Тенгизом. Он ехал к родителям в Сухуми, праздновать наступающий Новый Год, а мы с Вигнанским должны были скорее обтяпать свои дела и вернуться в Тбилиси, чтобы тоже поспеть к празднику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.